

ПЛЕСЕЊЬ НА АЛТАРЕ

ЛОГАН СТИЛ

Плесень на алтаре

Логан Стил

Настоящее произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и описанные обстоятельства либо полностью вымышлены, либо представлены в авторской художественной интерпретации. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями и событиями являются случайными и не имеют намеренного характера.

Содержание

Пролог

Глава 1. Кабинет профессора

Глава 2. Словарь ненависти

Глава 3. Диагноз по заказу

Глава 4. Смрад прошлого

Глава 5. Зеркальное отражение

Глава 6. Молитва о войне

Глава 7. Паутина Европы

Глава 8. Книга на скамье подсудимых

Глава 9. Охота на ведьм

Глава 10. Точка невозврата

Глава 11. Лицом к лицу

Глава 12. Исход

Пролог

В архиве пахло сыростью и старой бумагой — запах, который отец Алексей любил с семинарских времен. Но здесь, в подвальном помещении Центра религиоведческих исследований, к этому аромату примешивалось что-то еще. Едва уловимый душок застоявшейся воды, гнили, плесени.

Он сидел за широким столом, заваленным папками с грифом «Для служебного пользования». Сверху лежала недавняя методичка: «Технологии дегуманизации оппонента в публичном поле». Алексей потер уставшие глаза. Три месяца назад, когда владыка благословил его на работу в этом отделе, это казалось честью. «Ты будешь на передовой, Алеша, — говорил епископ, тяжело опираясь на посох. — Мы должны защитить нашу паству от волков».

Алексей верил. Он искренне хотел защищать. Но то, что он видел перед собой сейчас, не было щитом. Это был меч. И рукоять этого меча была липкой.

На мониторе компьютера было открыто видео с оперативной съемки. Дата: два дня назад. Место: частный дом в пригороде. На экране люди в камуфляже и масках выбивали дверь. Слышался женский крик, плач ребенка. Камера дергалась, выхватывая лица испуганных людей, прижатых к полу.

— Где литература? — орал голос за кадром. — Где экстремистские материалы?

Алексей нажал на паузу. Лицо женщины на полу показалось ему знакомым. Он видел ее в храме. Она приходила ставить свечи, молилась тихо, в углу. В рапорте, лежащем перед ним, эта женщина значилась как «активный вербовщик деструктивного культа».

Священник встал и подошел к окну, выходящему в глухой двор-колодец. В стекле отразилось его лицо — молодое, с аккуратной бородкой, и черная ряса. А за его спиной, в отражении, темнели стеллажи с тысячами таких же дел. Досье на баптистов, пятидесятников, кришнаитов, католиков, просто несогласных.

Дверь кабинета скрипнула. Алексей вздрогнул. На пороге стоял профессор Дворкин. Человек, которого в епархии боялись больше, чем самого архиерея.

Серый костюм, всегда немного мешковатый, очки в тонкой оправе и взгляд — цепкий, оценивающий, лишенный всякой теплоты.

— Не спится, отче? — голос Дворкина был тихим, вкрадчивым. — Изучаете врага?

— Изучаю методы, Александр Леонидович, — ответил Алексей, стараясь, чтобы голос не дрожал. — В рапорте сказано, что у них нашли оружие. Но на видео только книги. Библии. Дворкин прошел в кабинет, по-хозяйски сел на край стола.

— Оружие бывает разным, отец Алексей. Слово — тоже оружие. Искажённое слово — это яд. Мы — иммунная система организма. А иммунитет, как известно, убивает чужеродные клетки. Без жалости. Иначе организм погибнет.

Он взял со стола папку с делом той женщины.

— Вы слишком молоды и сентиментальны. Вы видите слезы. А я вижу метастазы. Эта группа... они не подчиняются нам. А значит, они не подчиняются Богу. В нынешних условиях это одно и то же. Дворкин улыбнулся, но глаза его остались холодными, как лед.

— Завтра суд. Мне нужно ваше экспертное заключение. Напишите, что их литература разрушает психику. Что они зомбируют людей.

— Но я не психиатр, — возразил Алексей.

— Вы — голос Церкви, — отрезал Дворкин. — А психиатрию оставьте нашим... специалистам. У нас есть надежные врачи. Старой закалки.

Профессор вышел, оставив дверь приоткрытой. Из коридора потянуло сквозняком. Алексей посмотрел на папку. На обложке черным маркером было выведено: «Секта». Одно слово, которое превращало живых людей в мишени. Он снова сел за компьютер. Ему нужно было написать ложь. Или... Алексей выдвинул ящик стола. Там, под стопкой чистой бумаги, лежал его нательный крест, который он снял перед работой, потому что цепочка натирала шею. Сейчас металл казался раскаленным. Он еще не знал, что этот выбор — лишь начало. Что плесень, которую он пытался найти снаружи, уже давно проросла внутри стен, которые он считал святыми. И что главный сектант, жаждущий абсолютной

власти, сидит не в подпольном молельном доме, а в соседнем кабинете, под портретом президента и иконой Спасителя.

Глава 1. Кабинет профессора

Дождь барабанил по жестяному карнизу, превращая вид из окна в размытое серое пятно. Москва за стеклом казалась акварельным наброском, лишенным четких линий, но здесь, внутри, мир был расчерчен с ювелирной точностью. Черное и белое. Свои и чужие.

Отец Алексей отложил ручку и потер виски. Перед ним на столе лежала стопка распечаток из социальных сетей — скриншоты переписок, фотографии с пикников, списки друзей. Это не походило на богословский труд, ради которого он заканчивал семинарию и академию. Это больше напоминало работу участкового, которому поручили следить за неблагополучной семьей, только масштаб был иным, а последствия — куда более серьезными.

— Ты чего завис, отче? — голос Виктора, старшего аналитика Центра, вырвал его из оцепенения.

Виктор сидел за соседним столом, ссутулившись над клавиатурой. В миру он был несостоявшимся историком, здесь же — «экспертом по новым религиозным движениям». Его стол был завален папками, а монитор обклеен стикерами с напоминаниями: «Суд 14-го», «Справка для прокуратуры», «Грант!!!».

— Я пытаюсь понять логику, — медленно произнес Алексей, указывая на распечатку. — Вот группа людей. Они собираются по четвергам, читают Евангелие, пьют чай. В их уставе нет призывов к насилию. Почему мы заносим их в «желтый список»?

Виктор хмыкнул, не отрываясь от экрана.

— Потому что они не мы. Этого достаточно.

— Но юридически...

— Юридически, Леша, мы живем в правовом поле, которое сами и удобряем, — Виктор развернулся на стуле, держа в руке надкушенный бутерброд. — Ты ищешь состав преступления в Уголовном кодексе. А надо искать в методичке Александра Леонидовича. Понимаешь, «тоталитарная секта» — это не юридический термин. В законе такого понятия нет. И слава Богу, что нет.

Алексей нахмурился.

— Почему слава Богу?

— Потому что, если бы было четкое определение, нам пришлось бы доказывать соответствие каждому пункту. А так... — Виктор неопределенно махнул рукой. — Это универсальный ярлык. Как «враг народа» в тридцатые, только звучит научно. Наклеил — и человек уже оправдывается. Презумпция виновности, отец. В нашей сфере действует презумпция виновности. Если они не под омофором Патриарха — значит, они уже виноваты. Вопрос лишь в том, когда мы найдем, за что именно.

Алексей снова посмотрел на фотографию. Улыбающиеся молодые люди с гитарами. «Сектанты». Слово, которое в стенах этого здания произносили чаще, чем имя Христа.

Дверь в конце коридора распахнулась, и секретарша Леночка, цокая каблучками, заглянула в кабинет:

— Отец Алексей, Александр Леонидович ждет. Срочно.

Алексей поправил подрясник, одернул рукава и встал. Поход к профессору Дворкину всегда напоминал вызов к директору школы, смешанный с допросом. Дворкин не был священником, он был мирянином, но его власть в этих стенах была абсолютной, почти сакральной.

Кабинет профессора находился в конце длинного коридора, выкрашенного в казенный бежевый цвет. Табличка на двери гласила: «Президент Центра религиоведческих исследований, профессор А.Л. Дворкин». Алексей постучал и, услышав глухое «Войдите», толкнул тяжелую дубовую дверь.

Кабинет Дворкина был пространством, где реальность преломлялась самым причудливым образом. Это было святилище новой идеологии, которую Алексей только начинал постигать.

Стены были увешаны плотно, без просветов. Слева — иконостас. Справа — галерея мирской славы: грамоты от МВД, благодарственные письма от ФСБ, дипломы от губернаторов. Но самое странное впечатление производила стена за спиной хозяина кабинета. Там, словно в едином пантеоне, висели портреты. Патриарх смотрел строго и печально, а рядом с ним, плечом к плечу, располагались портреты руководителей силовых ведомств и главы государства. Лики святых на соседней стене казались бледными тенями на фоне этих полнокровных, властных лиц в погонах и пиджаках.

Александр Леонидович Дворкин сидел за массивным столом, заваленным бумагами. Он что-то быстро писал перьевой ручкой, даже не подняв головы на вошедшего. — Садитесь, отец Алексей.

Священник опустился на стул для посетителей. Он чувствовал себя неуютно под перекрестным огнем взглядов с портретов. Казалось, что генералы и святые оценивают его лояльность.

— Как продвигается работа по гранту? — спросил Дворкин, наконец отложив ручку. Его очки в тонкой золотой оправе блеснули в свете настольной лампы.

— Я изучил смету, Александр Леонидович. Там указана статья расходов «Патриотическое воспитание молодежи и профилактика экстремизма». Но материалы, которые мы готовим...

— Что с ними не так? — голос Дворкина был мягким, обволакивающим, но в нем звенела сталь. — Они... агрессивные. Мы фактически приравниваем пятидесятников к террористам. В заявке на грант написано о духовном просвещении, а мы готовим брошюры о том, как распознать врага в соседе.

— А разве враг не может быть соседом? — Дворкин снял очки и начал протирать их бархоткой. — Вы, отец Алексей, все еще мыслите категориями семинарского идеализма. «Возлюби ближнего», да? А если ближний несет духовную заразу? Если он — вирус?

Дворкин встал и подошел к окну. Его силуэт на фоне серого неба казался монументальным.

— Государство выделяет нам деньги не за проповедь о любви. Любовью занимаются приходские батюшки на амвоне. Мы — иммунная система. Гранты, которые мы получаем, — это топливо для машины, которая перемалывает чужеродные элементы. Вы думаете, почему нам так охотно дают миллионы на «патриотическое воспитание»? Потому что мы объясняем людям, кого именно им нужно ненавидеть, чтобы любить Родину правильно.

Алексей почувствовал, как холодок пробежал по спине. Цинизм, с которым Дворкин говорил о вещах, казавшихся священными, обезоруживал.

— Но ведь Христос... — Христос изгнал торговцев из храма бичом, — перебил Дворкин, резко обернувшись.

— Бичом, отец Алексей! Не уговорами. Мы сейчас в состоянии войны. Духовной войны. И на войне нужны солдаты, а не пацифисты.

Он вернулся к столу и вытащил из стопки папку.

— Кстати, о войне. У нас есть заказ. Из региона. Там одна община слишком активно растет. Строят молитвенный дом, открыли реабилитационный центр для наркоманов. Местный архиерей недоволен. Люди уходят к ним, а не в наши храмы.

— Реабилитационный центр? — переспросил Алексей. — Это же благое дело.

— Это вербовка, — отрезал Дворкин. — Они заманивают людей в зависимость от лидера. Подменяют наркотическую иглу иглой идеологической. Нам нужно экспертное заключение. Срочно. К завтрашнему утру.

Дворкин пододвинул папку Алексею.

— Но я ничего о них не знаю. Я не был там, не говорил с людьми, не видел их устав.

— А вам и не нужно там быть, — Дворкин улыбнулся, и эта улыбка была страшнее его крика. — Помните, как работал наш тульский коллега? Он не ходил по собраниям, чтобы не примелькаться. Он просто заходил в интернет. Люди

сами все вываливают. Кто пастор, кто жена пастора, какое белье сушится на балконе. Мы живем в эпоху прозрачности, отец Алексей.

Профессор открыл ящик стола и достал книгу в твердом переплете. Это был его собственный труд — «Сектоведение».

— Вот ваш инструмент. Открываете главу о неопятидесятниках. Берете признаки тоталитарной секты: гуруизм, эзотерический разрыв, контроль сознания. И накладываете эти лекала на ту информацию, которую найдете в их группе «ВКонтакте». Если пастор харизматичен — пишете «авторитарный лидер». Если у них есть дисциплина — пишете «подавление воли». Если они собирают десятину — пишете «финансовая эксплуатация».

— Но это же подгонка фактов под ответ, — тихо сказал Алексей. — Это не наука.

— Это религиоведческая экспертиза, — жестко поправил Дворкин. — И запомните главное правило нашей работы: любой независимый религиозный лидер — это потенциальный мошенник. Любая закрытая группа — это потенциальная угроза конституционному строю. Мы не доказываем вину. Мы ее обосновываем.

Алексей взял папку. Она жгла руки.

— А если они подадут в суд? Если потребуют доказательств, ссылок на научные исследования? Дворкин рассмеялся. Смех был сухим, лающим.

— Ссылок? Пожалуйста. Ссылайтесь на материалы нашей прошлогодней конференции в Новосибирске. Там выступал я, выступал отец Александр, выступали наши коллеги из МВД. Мы приняли итоговый документ, где черным по белому написано, что такие организации деструктивны.

— То есть... я должен сослаться на документ, который мы сами же и написали?

— Именно. Это называется формирование научного консенсуса. Мы создаем источники, на которые потом опираются суды. Судье не нужна истина, судье нужна бумажка с печатью и ссылка на авторитетное мнение. Мы даем и то, и другое.

Дворкин снова сел за стол и углубился в чтение, давая понять, что аудиенция окончена.

— Идите, отец Алексей. Работайте. И помните: вы спасаете души. Даже если для этого приходится немного... упростить реальность.

Алексей вышел из кабинета на ватных ногах. В коридоре было тихо, только гудел кулер с водой. Он прошел к своему рабочему месту, сел и положил папку перед собой. На обложке было написано название организации: «Свет Евангелия». Обычное название. Тысячи таких по всей стране.

Он открыл папку. Внутри лежали распечатки с сайта организации. Фотографии счастливых людей, спасенных от наркотиков. Благодарственные письма от матерей. Отчеты о благотворительных обедах. Алексей включил компьютер. Экран мигнул и засветился холодным голубым светом. Он создал новый документ. Курсор пульсировал на белом поле, требуя слов.

«Справка об экспертном исследовании».

Пальцы зависли над клавиатурой. Алексей вспомнил слова Виктора: «Тоталитарная секта — это универсальный ярлык». Он вспомнил иконы в кабинете Дворкина, соседствующие с грамотами от полиции. Вспомнил фразу о «патриотическом воспитании», которое оплачивает ненависть.

Он должен был написать, что эти люди — враги. Что их молитвы — это зомбирование. Что их помощь наркоманам — это вербовка рабов. Алексей оглянулся. Виктор все так же жевал бутерброд, глядя в монитор. Леночка красила ногти в приемной. За окном продолжал лить дождь, смывая грязь с московских улиц, но здесь, внутри, грязь, казалось, только накапливалась, въедаясь в стены, в бумаги, в души.

Он открыл браузер и вбил в поиск название общины. Первая ссылка вела на их страницу. «Мы верим, что Бог есть любовь», — гласил статус. Алексей переключился на текстовый редактор. «Согласно материалам международной научно-практической конференции “Тоталитарные секты и правовое государство”, данная организация обладает всеми признаками деструктивного культа...»

Первая фраза далась тяжело, как будто он толкал камень в гору. Вторая пошла легче. «Наличие харизматичного лидера и жесткая иерархия свидетельствуют о подавлении критического мышления адептов...»

Он писал, и с каждым словом чувствовал, как что-то внутри него сжимается и холодеет. Он использовал термины, которые не имели юридической силы, но обладали силой убойной. Он превращал живых людей в «контингент». Он создавал реальность, которой хотел Дворкин.

Внезапно монитор Виктора пискнул.

— О, смотри-ка, — оживился коллега. — Наши тульские друзья прислали отчет. Помнишь, они просили адреса баптистов?

— Ну? — не поворачивая головы, спросил Алексей.

— Сработали оперативно. Нашли нарушения пожарной безопасности. Опечатали здание. Пастору выписали штраф, общину закрыли до устранения. А устранить там ничего нельзя, здание старое. Красота. Виктор довольно потер руки.

— Вот это я понимаю — симфония властей. Мы им — адресок, они нам — результат. И никаких долгих богословских диспутов.

Алексей посмотрел на свой текст. Он только что создал оружие. Пока это был просто текст на экране, набор пикселей. Но завтра этот текст распечатают, поставят печать Центра, подпишут у Дворкина, и он превратится в дубину. Этой дубиной выбьют дверь в чей-то дом, разрушат чью-то жизнь, отнимут у кого-то веру.

Он вспомнил семинарию. Старого профессора догматики, который говорил: «Слово священника должно исцелять». Здесь слово священника убивало.

Алексей нажал кнопку «Сохранить». Файл получил имя «Экспертиза_Свет_Евангелия_финал.doc». В этот момент в кармане подрясника завибрировал телефон. Пришло уведомление о зачислении зарплаты. Сумма была больше обычной — пришла премия за участие в гранте. Деньги за «патриотическое воспитание».

Алексей посмотрел на свои руки. Они были чистыми. Никакой крови, никакой грязи. Только легкий след от шариковой ручки на среднем пальце. Но

ощущение липкой плесени, о которой он думал, входя в архив, теперь стало почти физическим. Она была не в подвале. Она была здесь, в этом светлом офисе с компьютерами и иконами. И, кажется, она уже начала прорастать сквозь кожу.

Он встал и подошел к кулеру, налил стакан воды. Вода была ледяной, но горло все равно пересохло. На стене висел календарь с цитатой из Писания на каждый день. Сегодняшняя дата была отмечена стихом: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные».

Алексей горько усмехнулся. Он посмотрел на дверь кабинета Дворкина. Фамилия на табличке вдруг обрела новый, зловещий смысл. Волки хищные. Он вернулся за стол, где лежал готовый донос, замаскированный под научный труд.

— Виктор, — тихо позвал он.

— А?

— А как мы объясняем... ну, самим себе... что мы правы?

Виктор перестал жевать, повернулся и посмотрел на Алексея долгим, внимательным взглядом, в котором не было ни капли фанатизма, только усталая профессиональная скука.

— Мы не объясняем, Леша. Мы защищаем каноническую территорию. Это как геополитика, только с кадилом. Если не мы их сожрем, они сожрут нас. Рынок душ ограничен, конкуренция высокая.

Виктор отвернулся к экрану.

— Дописывай давай. Курьер из суда через час будет.

Алексей положил руки на клавиатуру. Ему нужно было добавить еще один абзац. О том, что литература общины наносит вред психическому здоровью граждан. Он никогда не видел медицинских заключений этих граждан. Он не был психиатром. Но он знал, что нужно написать. Слова ложились на экран ровными строчками, как кирпичи в стену тюрьмы. Тюрьмы, которую они строили для других, но в которой, похоже, уже давно сидели сами.

Глава 2. Словарь ненависти

На столе перед отцом Алексеем лежала книга. Твердый переплет, глянцевая обложка, на которой в зловещих красно-черных тонах был изображен расколотый крест, опутанный колючей проволокой. Название «Сектоведение» было вытеснено золотом, придавая изданию вес и авторитетность, свойственные скорее академическим трудам или богослужебным фолиантам.

Это была библия их отдела. Фундамент, на котором строилась вся работа Центра.

Алексей открыл книгу на случайной странице. Бумага была плотной, белой, шрифт — четким. Но то, что проступало сквозь типографскую краску, заставило его поморщиться, словно от зубной боли. Он читал этот текст еще в семинарии, но тогда он воспринимал его как учебник, как карту минных полей. Теперь же, сидя внутри «саперного батальона», он видел не карту, а инструкцию по созданию мин.

«...Раковая опухоль на теле нации...», «...метастазы чужеродной веры...», «...мутанты духовного мира...».

Священник откинулся на спинку жесткого офисного стула. Язык книги был виртуозным. Он не информировал — он заражал. Каждое предложение было сконструировано так, чтобы вызвать у читателя физиологическое отвращение. Здесь не было богословской полемики. Здесь была санитарная инспекция. Автор не спорил с догматами оппонентов, он описывал их носителей как грязь, которую необходимо смыть.

— Изучаешь матчасть? — Виктор, не отрываясь от монитора, громко хрустнул яблоком. — Правильно. Александр Леонидович любит цитировать самого себя. Если вставишь пару абзацев из его нетленки в отчет, премия гарантирована.

Алексей не ответил. Он взял карандаш и подчеркнул слово «зомбирование».

— Вить, а ты когда-нибудь видел медицинское заключение с диагнозом «зомбирование»? — спросил он тихо. Виктор хохотнул, разворачиваясь на стуле.

— Ты еще спроси про диагноз «сглаз» или «порча». Леша, ты же умный мужик. «Зомбирование» — это не диагноз. Это метафора. Но метафора, которая работает лучше любого закона. Если ты скажешь «человек сменил веру», это звучит как его право по Конституции. А если скажешь «его зомбировали», то он уже не гражданин, а жертва. А жертву надо спасать. Даже если она упирается и кричит, что ей это не нужно.

Алексей снова уткнулся в текст. Он начал анализировать структуру абзацев, как его учили на кафедре библеистики. Метод был прост и страшен. Автор брал общеизвестный факт — например, теракт в токийском метро, совершенный «Аум Синрикё», — и в следующем предложении, через запятую, упоминал мирных кришнаитов или пятидесятников. Логической связи не было, но эмоциональная связка возникала мгновенно. Мозг читателя, напуганный заринном в метро, автоматически переносил этот страх на людей, поющих мантры на набережной или читающих Библию в парке.

Это называлось «вина по ассоциации». Прием, старый как мир, но отточенный здесь до блеска хирургического скальпеля.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вошла Леночка. В руках она держала стопку свежераспечатанных листов, еще теплых от принтера.

— Мальчики, новая разнарядка. Александр Леонидович утвердил «темник» для региональных СМИ. Нужно разослать по базе журналистов до обеда. Она положила стопку на стол Алексея.

— Отец Алексей, это по вашей части. Вы же у нас теперь отвечаете за «просветительскую работу».

Алексей взял верхний лист. Заголовок гласил: «Рекомендации по освещению деятельности нетрадиционных религиозных групп в публичном пространстве». Ниже шел текст, разбитый на две колонки. Левая колонка называлась «НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ», правая — «РЕКОМЕНДУЕТСЯ».

Он пробежал глазами по строчкам. *Не рекомендуется:* «Община», «Церковь», «Верующие», «Новые религиозные движения». *Рекомендуется:* «Тоталитарная секта», «Деструктивный культ», «Адепты», «Завербованные», «Жертвы».

Не рекомендуется: «Молитвенное собрание», «Богослужение», «Проповедь». *Рекомендуется:* «Вербовочная сессия», «Психологическая обработка», «Трансовые методики», «Камлание».

Не рекомендуется: «Пастор», «Руководитель», «Наставник». *Рекомендуется:* «Гуру», «Главарь», «Сектантский лидер», «Мошенник».

Алексей почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Это был словарь новояза. Словарь, который переписывал реальность. Если следовать этой инструкции, то любая группа людей, собравшаяся почитать Евангелие, превращалась в банду заговорщиков.

— Это же подмена понятий, — пробормотал он.

— Мы заставляем журналистов лгать.

— Мы помогаем им расставлять акценты, — поправил Виктор, забирая у него часть листов. — Журналисты ленивы, Леша. Им некогда разбираться в сортах... кхм... духовности. Им нужен экшн, нужен враг, нужна драма. Мы даем им готовый сценарий. Они счастливы, мы довольны, народ бдит.

Виктор начал быстро сканировать листы и отправлять их по электронной почте.

— Смотри, как это работает. Берем обычную бабушку, которая пожертвовала пенсию на храм. Если это наш храм — она «благочестивая прихожанка». Если это храм адвентистов — она «жертва финансовой эксплуатации, лишенная средств к существованию». Факт один — передача денег. Интерпретации — полярные. Наша задача — убедиться, что в газетах появится вторая версия.

Алексей отложил «темник» и вернулся к книге Дворкина. Теперь он читал ее иначе. Он видел швы. Он видел, как автор конструирует образ врага, используя псевдонаучные термины. «Тоталитарная секта». Алексей знал, что в юриспруденции такого термина нет. Ни в одном кодексе, ни в одном законе. Это был фантом. Ярлык-пустышка, который можно было наклеить на кого угодно. На баптистов, на католиков, на клуб любителей йоги, на общество трезвости.

В книге утверждалось, что сектанты лишены критического мышления. Что они — биороботы. «Дегуманизация», — всплыло в памяти слово из курса

психологии. Чтобы уничтожить врага, сначала нужно доказать, что он не человек. Что у него нет чувств, нет воли, нет души. Что он — сломанный механизм, который нужно либо починить принудительно, либо утилизировать.

Телефон на столе Виктора зазвонил.

— Да, Александр Леонидович. Да, конечно. Отец Алексей здесь. Сейчас зайдем.

Виктор положил трубку и подмигнул:

— Пошли. Шеф хочет показать тебе мастер-класс. Привели «потерпевшую». Будем оформлять кейс для телевидения.

В кабинете Дворкина, под тяжелыми взглядами с портретов на стене, сидела женщина. Ей было лет сорок, но выглядела она старше. Потухший взгляд, нервные руки, теребящие ремешок дешевой сумки, серый цвет лица. Она сидела на краешке стула, словно готовая в любой момент вскочить и убежать.

Дворкин расхаживал по кабинету, заложив руки за спину. Он был в своей стихии.

— Знакомьтесь, коллеги. Это Ирина. Ирина чудом вырвалась из лап неопятидесятников.

Женщина вздрогнула при слове «лапы», но промолчала.

— Ирина, расскажите отцу Алексею, как вы туда попали, — мягко, почти ласково попросил Дворкин.

Женщина откашлялась. Голос ее был тихим, ломким.

— Ну... у меня муж пил. Сильно. Бил меня. Я не знала, куда деться. Соседка сказала, что есть место, где помогают. Где молятся за таких. Я и пошла.

— И что там было? — Дворкин остановился напротив нее, глядя поверх очков.

— Они пели. Громко так, радостно. Говорили, что Бог меня любит. Что я не одна. Мне... мне стало легче. Муж перестал пить, когда тоже туда пришел. Мы полгода жили душа в душу.

— Жили душа в душу, — повторил Дворкин с сарказмом. — А потом?

— А потом... потом нам сказали, что надо десятину платить. А у нас денег мало. Муж сорвался, опять запил. Сказал, что они только деньги тянут. Я пыталась его вернуть, плакала... А пастор сказал, что если муж не хочет спасения, то я должна выбрать Бога, а не мужа.

Ирина замолчала, вытирая слезы. Обычная житейская трагедия. Слабый человек, ищущий опоры, и не нашедший ее. Дворкин подошел к ней вплотную.

— Ирина, послушайте меня. Вы не просто платили десятину. Вы были под гипнозом. Вы помните, как они махали руками во время молитвы? Как громко играла музыка?

— Помню... — неуверенно кивнула женщина.

— Это называется нейролингвистическое программирование. Они вводили вас в транс. Вы не отдавали себе отчета в своих действиях. Ваша воля была подавлена. Вы чувствовали себя как во сне?

— Ну... я уставала очень. На работе две смены, потом собрание...

— Вот! — Дворкин поднял палец вверх, обращаясь к Алексею. — Типичный признак контроля сознания. Истощение физических сил для снижения критического барьера. Ирина, вы были зомбированы. Они превратили вас в рабыню.

Женщина испуганно посмотрела на профессора.

— Зомбированы? Господи... Я думала, я просто верю...

— Это была не вера, Ирина. Это была зависимость. Хуже наркотической. Они подсадили вас на эндорфиновую иглу своих песнопений. Вы — жертва психологического насилия.

Алексей видел, как меняется лицо женщины. Сначала недоумение, потом страх, и наконец — облегчение. Дворкин предлагал ей спасительную формулу. Ей не нужно было брать ответственность за свой выбор, за разлад с мужем, за свою наивность. Она не виновата. Она — жертва страшных технологий. Злой гипнотизер заставил ее. Это объясняло всё. Это снимало груз с души.

— Да... — прошептала она. — Наверное, вы правы. Я действительно как в тумане была. Я бы сама никогда... Это они меня заставили.

— Конечно, заставили, — Дворкин удовлетворенно кивнул и сел за стол.

— Виктор, запиши. «Потерпевшая свидетельствует о применении к ней методов гипнотического воздействия, подавления воли и вымогательства средств в состоянии измененного сознания».

Он достал из ящика бланк заявления.

— Ирина, подпишите здесь. Мы поможем вам вернуть деньги. И накажем этих негодяев. Но нам нужно, чтобы вы рассказали это на камеру. Завтра приедут с телеканала. Вы скажете то же самое, что сейчас мне. Про гипноз, про транс, про то, как вас заставляли ненавидеть родственников.

— Но они не заставляли ненавидеть... — робко начала Ирина.

— Они заставляли вас выбрать «Бога», а не мужа, — жестко перебил Дворкин. — Это и есть разрушение семьи. Это и есть ненависть к традиционным ценностям. Вы же хотите, чтобы другие люди не пострадали так, как вы?

— Хочу, — тихо сказала она и взяла ручку.

Алексей стоял в углу, чувствуя, как холод пробирает его до костей. Он только что увидел, как рождается «фейковая жертва». Эта женщина была несчастна, да. Возможно, пастор той общины действительно был не самым чутким человеком. Но то, что делал Дворкин, было не помощью. Это было перепрограммирование. Он стирал ее реальную память и записывал поверх нее свой сценарий. Сценарий из «темника».

Когда Ирина ушла, Дворкин повернулся к Алексею.

— Видели, отче? Вот так работает пастырская психология. Человеку нужно объяснить, почему ему плохо. Если мы скажем, что он сам дурак — он обидится и уйдет. А если мы скажем, что он жертва всемирного заговора и секретных технологий ЦРУ — он станет нашим самым преданным союзником. Теперь она будет ненавидеть их искренне и страстно. А ненависть — это мощное топливо.

— Но это же неправда, — Алексей решился подать голос. — Никакого гипноза там не было. Была групповая динамика, эмоции, усталость. Зачем мы придумываем термины? Дворкин снял очки и начал протирать их бархоткой. Этот жест уже начинал раздражать Алексея своей театральностью.

— Правда, отец Алексей, это понятие философское. А мы занимаемся политикой. В политике есть только эффективность. Термин «промывка мозгов» придумали американские журналисты в 50-е годы, чтобы объяснить, почему пленные солдаты сотрудничали с китайцами. Наука этот термин не признала. Но он сработал! Общество поверило. И мы используем то, что работает.

Он подошел к книжному шкафу и достал тонкую брошюру.

— Вот, почитайте на досуге. Это материалы судебного процесса в Германии. Там тоже долго спорили о терминах. А потом просто решили: если группа угрожает общественному порядку, неважно, как она себя называет. Мы создаем прецедент. Мы создаем язык, на котором будет говорить суд.

Алексей вышел из кабинета, сжимая в руке брошюру. В коридоре было пусто. Виктор уже ушел на обед. Он вернулся за свой стол. Книга «Сектоведение» все так же лежала перед ним. Теперь она казалась ему не книгой, а кирпичом. Оружием пролетариата.

Он открыл файл на компьютере. Ему нужно было написать статью для епархиального вестника. Тема: «Духовная безопасность». Пальцы зависли над клавиатурой. Слова, которые он слышал сегодня — «зомбирование», «вербовка», «адепты», — кружились в голове, как назойливые мухи. Они требовали, чтобы их использовали. Они были удобными. Они были простыми. Они объясняли сложный мир, деля его на черное и белое.

Алексей посмотрел на икону Спасителя, стоящую у монитора. Лик Христа был спокоен и печален. «Не судите, да не судимы будете». Алексей закрыл глаза. Он вспомнил Ирину. Ее дрожащие руки. Ее готовность признать себя безумной, лишь бы получить защиту сильного. Дворкин не лечил ее. Он использовал ее боль как строительный материал для своей крепости. Он брал людей с нестабильной психикой, людей в кризисе, и превращал их в тараны, которыми пробивал двери неугодных общин.

Священник открыл браузер и вбил в поиск: «Признаки языка вражды». Первая же ссылка выдала список:

1. Дегуманизация (сравнение с животными, болезнями).
2. Демонизация (приписывание абсолютного зла).

3. Создание образа врага.

4. Призыв к дискриминации.

Алексей перевел взгляд на книгу Дворкина. Открыл страницу 142. «...Эти организации подобны вирусу СПИДа, разрушающему иммунную систему общества...» Пункт первый. «...Их отец — дьявол, и они исполняют похоти отца своего...» Пункт второй. «...Мы должны изолировать их, пока зараза не распространилась...» Пункт четвертый.

Пазл сложился. То, чем они занимались в этом Центре, под иконами и портретами президентов, не было религиоведением. Это было производство ненависти в промышленных масштабах. Они создавали словарь, с помощью которого можно было оправдать любое насилие. Если человек — «зомби», его не жалко. Если организация — «раковая опухоль», ее нужно вырезать.

Алексей вспомнил слова из статьи, которую читал утром: «Народ, который однажды победил нацизм, теперь сам подвергается нацификации». Тогда это показалось ему преувеличением, публицистическим перегибом. Сейчас, глядя на «темник» для журналистов, где живых людей рекомендовалось называть «биомассой» и «адептами», он понял, что автор статьи был пугающе точен.

Он выдвинул ящик стола и бросил туда «темник», спрятав его под стопкой чистой бумаги. Словно этот листок мог прожечь столешницу. В этот момент в кабинет вернулся Виктор. Он был весел и доволен жизнью.

— Ну что, Леша, проникся? Шеф у нас гений. Из такой ерунды, как семейная ссора, раздуть федеральный скандал о гипнотизерах-убийцах — это надо уметь. Учись, пока он жив.

Алексей посмотрел на коллегу. Виктор не был злым человеком. Он любил свою жену, кормил бездомных кошек, скидывался на подарки сотрудникам. Но сейчас он с улыбкой говорил о том, как они уничтожат жизнь незнакомых людей ради красивого отчета.

— Вить, — спросил Алексей, — а тебе не страшно?

— Чего? — Виктор перестал жевать зубочистку.

— Что когда-нибудь этот словарь применят к нам. Что кто-то напишет в «темнике»: «Не рекомендуется: православный священник. Рекомендуется: мракобес в рясе». И нас так же... по инструкции.

Виктор на секунду замер, его лицо стало серьезным. Но потом он отмахнулся, словно отгоняя дурную мысль.

— Не напишут. Мы — государственная структура. Мы — власть. А власть пишет словари, а не читает их. Расслабься, отче. Мы на правильной стороне истории.

Он сел за свой компьютер и начал быстро печатать. Алексей остался сидеть неподвижно. За окном начинало темнеть. В стекле отражался его силуэт — черный, размытый, почти призрачный. И книга на столе, в золотом тиснении которой, казалось, отражались отблески далеких, еще не разожженных костров.

Он взял ручку и на чистом листе бумаги написал одно слово: «СЛОВО». Потом зачеркнул его. И написал ниже: «ОРУЖИЕ». Потому что здесь, в этих стенах, между ними стоял знак равенства. И Алексей только что получил доступ к арсеналу. Вопрос был лишь в том, хватит ли у него сил не нажать на курок.

На экране монитора мигнуло сообщение от Дворкина: «Отец Алексей, подготовьте справку по “Свидетелям”. Используйте терминологию из сегодняшней беседы. Мне нужна жесткость. Никаких полутонов».

Алексей положил руки на клавиатуру. Буквы на клавишах были стерты от частого использования. Особенно буквы «С», «Е», «К», «Т», «А». Он начал печатать. Медленно, словно преодолевая сопротивление воздуха. Каждое слово ложилось на экран тяжелым камнем. Он строил стену. Стену, которая должна была отделить «нас» от «них». Но с каждым кирпичом он чувствовал, как сам оказывается замурованным внутри.

Глава 3. Диагноз по заказу

Белые стены коридора давили на виски. Это была не та благородная, намоленная белизна храмовых сводов, к которой привык отец Алексей, а холодная, химическая стерильность казенного учреждения. Здесь пахло хлоркой, дешевым растворимым кофе и застарелым страхом, который, казалось, въелся в линолеум за десятилетия.

Алексей поправил сумку на плече. Внутри лежал пакет документов от профессора Дворкина — «направление на консультацию». Формулировка была обтекаемой, но суть, как он уже начинал понимать, заключалась в другом. Ему велели отвезти материалы доктору Брусову, главному внештатному специалисту, с которым Центр сотрудничал уже много лет.

— Аркадий Львович у себя? — спросил Алексей у медсестры на посту.

Женщина, не поднимая глаз от кроссворда, махнула рукой в сторону массивной двери с кодовым замком.

— Ждите. У него консилиум.

Алексей опустился на жесткую банкетку. Это было отделение судебно-психиатрической экспертизы. Место, где медицина встречалась с законом, и от этого союза рождались диагнозы, способные перечеркнуть жизнь быстрее, чем тюремный срок.

Пока он ждал, мимо провели пациента. Молодой парень, лет двадцати пяти, в больничной пижаме, которая висела на нем мешком. Его вели двое санитаров. Парень не сопротивлялся, он шел, глядя в одну точку, и губы его беззвучно шевелились.

— ...и познаете истину, и истина сделает вас свободными... — донесся до Алексея тихий шепот, когда процессия поравнялась с ним.

Один из санитаров привычно, без злобы, дернул парня за рукав:

— Давай без проповедей, Гагарин. Таблетки стыннут.

Дверь кабинета открылась, и оттуда вышли трое мужчин в белых халатах. Они о чем-то тихо переговаривались, пряча глаза. Следом в проеме показался

хозяин кабинета. Аркадий Львович Брусов был похож на доброго сказочника из детских книг: седая бородка клинышком, уютный вязаный жилет под халатом, очки на цепочке. Только глаза за толстыми линзами были абсолютно неподвижными, словно стеклянные пуговицы.

— А, отец Алексей! — радушно воскликнул он, заметив священника.

— Проходите, проходите. Александр Леонидович звонил, предупреждал. Чай будете? Или, может быть, коньяку? Погода-то дрянь.

Кабинет Брусова напоминал музей советской медицины. Массивный стол, заваленный папками «Дело №...», шкаф с томами Большой медицинской энциклопедии и портрет Бехтерева на стене. Но на подоконнике, диссонируя с общей обстановкой, стоял современный дорогой кофемашина и ряд иконок, приклеенных к стеклу скотчем.

— Я привез материалы по общине, — Алексей выложил папку на стол. — Там видеозаписи собраний, тексты проповедей. Профессор просил дать заключение о психологическом состоянии лидеров. Брусов даже не взглянул на папку. Он подошел к кофемашине и нажал кнопку. Агрегат зажужжал, наполняя комнату ароматом арабики.

— Психологическое состояние, говорите? — доктор усмехнулся, спиной к гостю.

— Знаете, батюшка, в нашей работе главное — правильная классификация. Линней классифицировал растения, мы классифицируем отклонения. А что есть норма?

Он повернулся, держа в руках дымящуюся чашку.

— Вот вы, отец Алексей, верите в Бога. Это норма. Это традиция. Это, так сказать, культурный код. А вот если человек верит так сильно, что готов продать квартиру и уехать в тайгу ждать конца света — это уже патология. Или если он начинает слышать голоса, которые велют ему не брать в руки оружие.

— Но ведь отказ от оружия может быть вопросом совести, — осторожно возразил Алексей. — Пацифизм не является болезнью.

— В условиях, когда Родина в опасности, пацифизм — это суицидальное поведение, — мягко поправил Брусов, садясь в кресло. — А суицидальные наклонности требуют стационарного лечения. Видите, как все просто?

Доктор пододвинул к себе папку, которую привез Алексей, и, не открывая её, положил руку на обложку, словно сканируя содержимое ладонью.

— Александр Леонидович пишет, что там наблюдается «индуцированный психоз». Групповая экзальтация. Глоссолалия.

— Да, они говорят на «иных языках», — кивнул Алексей. — Это часть их доктрины.

— Это часть их диагноза, — отрезал Брусов. — В МКБ-10, конечно, нет кода «пятидесятник». Но есть F21. Шизотипическое расстройство. Или F60. Расстройство личности. Знаете, чем хороша наша отечественная школа психиатрии? Мы умеем видеть болезнь там, где западные коллеги видят «права человека».

Брусов открыл ящик стола и достал бланк с гербовой печатью.

— У нас богатые традиции, отец Алексей. В советское время был такой термин — «вялотекущая шизофрения». Гениальное изобретение профессора Снежневского. Симптомов может не быть вовсе. Ни галлюцинаций, ни бреда. Человек может быть умным, начитанным, писать стихи или научные статьи. Но у него есть «сверхценная идея». Например, идея справедливости. Или идея «истинной веры», отличной от государственной. И эта идея поглощает его целиком, делает негибким, конфликтным. Социально дезадаптированным.

Алексей почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он читал об этом в семинарии, в курсе истории Церкви. О том, как диссидентов забирали в «психушки», потому что только сумасшедший мог пойти против советской власти.

— Но ведь сейчас не советское время, — тихо сказал он. — Мы не можем ставить диагнозы за убеждения.

— Мы и не ставим за убеждения, — Брусов улыбнулся, и эта улыбка была похожа на оскал. — Мы ставим за *последствия* этих убеждений. Смотрите.

Он взял со стола другую папку, толстую, потрепанную.

— Вот свежий случай. Гражданин Р., мусульманин. Живет в Крыму. Слепой. Инвалид первой группы. Потерял зрение десять лет назад. ФСБ находит у него дома литературу запрещенной организации. Книги. Обычные бумажные книги.

— Слепой? — переспросил Алексей. — Но как он их читал? Там был шрифт Брайля?

— Нет, — Брусов покачал головой. — Обычный шрифт. Он физически не мог их читать. Он даже не знал, что они там лежат, скорее всего. Кто-то принес, оставил. Но следствие считает, что он — организатор ячейки. Что он проводил собрания.

— Это же абсурд.

— Это юриспруденция, отец Алексей. А где юриспруденция буксует, там вступаем мы. Следователь понимает: посадить слепого в тюрьму — это плохая картинка для СМИ. Негуманно. А вот отправить его на принудительное лечение — это забота. Мы признаем его невменяемым. Напишем, что у него бредовые идеи религиозного характера. И отправим в стационар. Там тепло, кормят, уколы делают.

Алексей смотрел на доктора с ужасом.

— Вы отправите здорового человека в психушку только потому, что следствие не может доказать его вину?

— Я спасу его от тюрьмы, — парировал Брусов. — И спасу общество от него. Вы не понимаете, батюшка. Фанатизм заразен. Это вирус. Если мы не изолируем носителя, он инфицирует других. Неважно, видит он или нет. Он говорит. А слово — это самый опасный патоген.

Доктор взял ручку и быстро, размашисто подписал бланк, который лежал поверх папки, привезенной Алексеем. Он даже не открыл её. Не посмотрел видео. Не прочитал расшифровки.

— Вот, держите. Заключение комиссии. «Рекомендуется проведение стационарной судебно-психиатрической экспертизы в связи с наличием признаков расстройства личности и зависимости от лидера культа».

— Вы даже не посмотрели материалы, — прошептал Алексей.

— Я видел тысячи таких материалов, — устало отмахнулся Брусов. — Сценарий всегда один. Сначала «бомбардировка любовью», потом изоляция от семьи, потом финансовая эксплуатация. Это не вера, это аддикция. Как наркомания. Мы же не спрашиваем у героинового наркомана, почему он любит шприц. Мы его лечим. Принудительно.

Алексей взял бумагу. Она казалась горячей.

— А если... если кто-то из них действительно искренне верит? Если это их путь к Богу? Брусов снял очки и потер переносицу. Его лицо вдруг стало старым и бесконечно циничным.

— Бог, отец Алексей, любит порядок. «Всякая власть от Бога», так ведь у вас написано? Если вера человека приводит его к конфликту с государством, значит, это неправильная вера. Патологическая. Здоровая психика стремится к комфорту, к безопасности, к конформизму. Это эволюционный механизм выживания. Тот, кто идет против течения, кто готов страдать за абстрактные идеи — биологически дефективен. Мы просто помогаем природе отбраковывать брак.

В дверь постучали. Вошла медсестра с подносом, на котором звенели ампулы.

— Аркадий Львович, в третью палату к академику пора. Он опять отказывается от еды. Требуется адвокат.

— Ну вот, — вздохнул Брусов, надевая очки. — Интеллигенция. Самый тяжелый контингент. Он повернулся к Алексею.

— Был у нас тут один... ученый. Физик-математик, доктор наук. Возглавлял институт, суперкомпьютеры строил. Уважаемый человек. А потом выяснилось — перевел деньги не туда. Следствие говорит — финансирование экстремизма. Он говорит — ошибка, не переводил. Но кто ж ему поверит?

— И что с ним? — спросил Алексей, уже зная ответ.

— У нас лежит. Диагноз уточняем. Понимаете, нормальный человек, академик, не станет рисковать карьерой ради сомнительных политических жестов. Значит, у него критика снижена. Значит, неадекватен. Аминазинчику поколем, галоперидолу — глядишь, и успокоится. Перестанет права качать. Станет овощем... то есть, простите, спокойным членом общества.

Брусов встал, давая понять, что аудиенция окончена.

— Передавайте привет Александру Леонидовичу. Скажите, что мы всегда готовы помочь Матери-Церкви. Мы ведь с вами одно дело делаем. Вы изгоняете бесов молитвой, а мы — нейрорептиками. Результат-то один — тишина и смирение.

Алексей вышел из кабинета, едва не забыв сумку. В коридоре снова пахло хлоркой, но теперь к этому запаху примешивался отчетливый привкус безумия. Не того безумия, которое лечат, а того, которое лечит.

Он шел по длинному переходу к выходу, и шаги его гулко отдавались в тишине. Мимо проходили люди в халатах — спокойные, деловитые. Они несли папки, везли тележки с лекарствами. Для них это была просто работа. Рутинная. Алексей вспомнил слова из статьи, которую читал в архиве. О том, как в СССР психиатрия использовалась для подавления инакомыслия. Тогда ему казалось, что это дела давно минувших дней, страшные сказки. Но сегодня он увидел, что монстр не умер. Он просто спал. И теперь его разбудили, накормили новыми законами, дали новые имена старым диагнозам.

«Вялотекущая шизофрения» превратилась в «расстройство личности с религиозным уклоном». «Антисоветская агитация» стала «экстремизмом». А суть осталась прежней: если ты не такой, как все, если ты не маршируешь в ногу — ты болен.

На выходе из клиники Алексей столкнулся с группой людей. Это были женщины, в основном пожилые, в простых платках. Они стояли у проходной, прижимая к груди пакеты с передачами. В их глазах была та же немая мольба, которую он часто видел у икон в храме.

— Доченька, пусти, — просила одна из них охранника. — У него язва, ему казенное нельзя. Я курочку сварила.

— Не положено, — бубнил охранник, не глядя на нее. — Карантин. И вообще, к вашим сектантам только адвокат может.

Алексей остановился. «Сектанты». Вот оно, это слово-клеймо. Эти женщины не были преступницами. Их сыновья и мужья, запертые там, за решетками с «медицинским» узором, не были убийцами. Их вина была лишь в

том, что они читали Библию не так, как это было утверждено в кабинете Дворкина, или отказались брать в руки автомат.

Он нащупал в кармане подписанное Брусовым заключение. Этот листок бумаги был приговором для целой общины. На основании этой бумажки, подписанной человеком, который даже не взглянул на людей, завтра в суд придут прокуроры. Они будут размахивать этим «экспертным мнением» как флагом. «Медицина доказала!», «Наука подтвердила!».

Алексей сел в свою машину, но не спешил заводить двигатель. Руки дрожали. Он посмотрел на свои ладони. Ему казалось, что они пахнут той самой хлоркой. В голове всплыла фраза Брусова: «Бог любит порядок». Какой страшный бог у этого доктора, подумал Алексей. Бог, который требует лоботомии для несогласных. Бог, которому нужны не живые сердца, а послушные куклы под аминазином.

Он достал телефон и открыл новости. В топе висела статья: «В Сургуте задержана группа экстремистов». Алексей пробежал глазами текст. Знакомый почерк. «Зомбирование», «психологическое насилие», «вербовка». И в конце — комментарий эксперта: «Задержанные направлены на принудительное психиатрическое освидетельствование, так как их поведение вызывает сомнения в адекватности».

Алексей знал, что происходило в Сургуте на самом деле. Слухи в церковной среде распространялись быстро, несмотря на цензуру. Он знал, что людей там пытали. Били током, душили пакетами, требуя признаний. А когда сломать не удалось — объявили сумасшедшими. Потому что нормальный человек, по их логике, должен сломаться под пытками. Если не ломается — значит, фанатик. Значит, болен.

Круг замкнулся. Пыточная камера плавно перетекала в больничную палату. Палач передавал эстафету врачу. И все это освящалось именем Церкви, именем Христа, которого снова и снова распинали, теперь уже не на Голгофе, а в кабинетах с портретами чиновников.

Алексей завел машину. Ему нужно было вернуться в Центр, отдать бумагу Дворкину. Дворкин будет доволен. Он скажет что-то про «духовный меч» и «очищение земли русской». Но Алексей теперь знал: то, что они делают, не

имеет отношения к духу. Это было растление. Они препарировали живые души скальпелем страха, объявляя здоровьем мертвую покорность.

Он выехал на Садовое кольцо. Город жил своей жизнью, люди спешили по делам, смеялись, пили кофе. Они не знали, что рядом, за неприметным забором, работает конвейер, превращающий личность в диагноз. Что любой из них — ученый, студент, домохозяйка — может завтра оказаться в кабинете доктора Брусова просто потому, что прочитал не ту книгу или перевел деньги не на тот счет.

И самое страшное было не в том, что это происходит. А в том, что Алексей был частью этого механизма. Он был курьером, доставляющим патроны для расстрела. В бардачке машины лежала брошюра, которую ему дал Дворкин для редактирования. «Духовная безопасность и психическое здоровье нации». Алексей взял ее и, не глядя, швырнул на заднее сиденье. Там, на обложке, был изображен щит, прикрывающий Россию от черных стрел. Теперь Алексей видел, что щит этот сделан из решеток психиатрического изолятора, а стрелы летят не снаружи, а изнутри. Из самого сердца системы, которая объявила войну собственному народу.

Он вспомнил глаза того парня в коридоре. Гагарина. «Истина сделает вас свободными». В этом здании истину лечили галоперидолом. Алексей нажал на газ, стараясь как можно быстрее уехать от этого места, но понимал, что убежать не удастся. Запах хлорки и безумия теперь был с ним. Он пропитал его рясу, его кожу, его совесть.

Вечером, уже дома, он долго стоял под душем, пытаясь смыть этот день. Но вода не помогала. Он сел за стол и открыл ноутбук. Ему нужно было написать отчет о поездке. Курсор мигал на белом листе. «Документы переданы. Заключение получено». Алексей замер. Ему захотелось дописать: «Совесть продана. Цена договорная». Но он стер эти мысли. Пока он не мог позволить себе бунт. Пока он должен был играть свою роль. Роль наблюдателя в аду, который притворяется раем.

Он закрыл ноутбук и подошел к окну. Внизу, во дворе, играли дети. Они кричали, бегали, спорили. Они были живыми, непредсказуемыми, шумными.

«Патология», — прозвучал в голове голос Брусова. — «Слишком много хаоса. Нужно упорядочить».

Алексей перекрестил детей через стекло.

— Господи, сохрани их от нашего порядка, — прошептал он. — Сохрани их от наших врачей и наших учителей. Сохрани их от нас.

На столе завибрировал телефон. Пришло сообщение от Виктора: «Леша, завтра с утра планерка. Шеф хочет обсудить новую тему. “Родительские комитеты против деструктивного влияния в школах”. Готовь тезисы. Нужно связать это с психическим здоровьем детей». Алексей отложил телефон. Плесень ползла дальше. Теперь она подбиралась к школам. К детям. И у него в руках снова был скальпель, который ему предстояло направить на самых незащищенных. Он выключил свет, но темнота не принесла облегчения. В темноте лица с портретов в кабинете Дворкина и стеклянные глаза доктора Брусова казались еще ярче, еще реальнее. И где-то в тишине квартиры ему слышался тихий, монотонный голос, читающий диагноз: «В связи с наличием совести и критического мышления — признать невменяемым. Изолировать. Лечить до полного забвения».

Глава 4. Смерд прошлого

Архивная пыль имеет свойство оседать не только на одежде, но и в легких, вызывая сухой, надсадный кашель. Отец Алексей провел рукой по корешку толстой папки-скоросшивателя, оставляя на сером картоне чистую полосу. Часы в углу монитора показывали половину третьего ночи. Здание Центра религиоведческих исследований погрузилось в тишину, нарушаемую лишь гудением системного блока и шумом дождя за окном.

Алексей не планировал задерживаться так поздно. Его задачей была подготовка исторической справки для предстоящего доклада профессора Дворкина на международной конференции. Тема звучала благородно и академично: «Традиции европейской апологетики в защите духовного

суверенитета». Дворкин требовал фактуры. Ему нужны были корни, фундамент, доказательства того, что их деятельность — это не новодел, а продолжение великой традиции защиты веры.

— Ищи в коробках с маркировкой «Германия, 90-е», — бросил профессор перед уходом. — Там переписка с моими учителями. С теми, кто начинал эту борьбу, когда мы еще спали.

Алексей нашел эти коробки на самой верхней полке стеллажа. Они были заклеены старым, пожелтевшим скотчем. Внутри лежали не просто письма. Это был архив становления идеологии, которую Алексей теперь транслировал в своих статьях и проповедях.

Он достал стопку писем, напечатанных на тонкой бумаге, и несколько брошюр на немецком языке. Семинарского курса немецкого хватало, чтобы разбирать общий смысл, но для точности Алексей вооружился словарем.

Первое письмо было датировано 1993 годом. Адресат — Александр Дворкин. Отправитель — Фридрих-Вильгельм Хаак. Имя показалось Алексею смутно знакомым, оно мелькало в библиографических списках, но он никогда не задумывался, кто этот человек.

Алексей отложил письмо. Фамилия Кюннет, которая значилась в письме зацепила взгляд. Вальтер Кюннет. Он вбил имя в поисковую строку браузера, ожидая увидеть статью о каком-нибудь благочестивом богослове начала века.

Экран мигнул, выдавая результаты. Вальтер Кюннет (1901–1997). Немецкий протестантский теолог. Алексей кликнул на первую ссылку, ведущую на немецкий исторический портал. И чем больше он читал, тем холоднее становилось у него внутри.

1921 год. Кюннет основывает «Апологетический центр» (Apologetische Centrale). Цель — сбор информации о религиозных меньшинствах, оккультистах и сектах. 1933 год. К нацистам приходит власть. Апологетический центр не закрывается. Наоборот, он расцветает. Кюннет находит общий язык с новой властью. Его картотеки, кропотливо собранные за десять лет, становятся золотой жилой для Гестапо.

Алексей замер. Он перевел взгляд на стопку папок на своем столе. «База данных нетрадиционных религиозных движений». Карточки, адреса, списки лидеров, характеристики. То, чем они занимались здесь каждый день. Он снова уткнулся в монитор. «Апологетический центр тесно сотрудничал с Министерством пропаганды и СД (Службой безопасности рейхсфюрера СС). Материалы Кюннета использовались для обоснования запрета деятельности Свидетелей Иеговы, масонов и других групп, объявленных врагами Рейха».

Священник почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он встал, прошелся по кабинету, налил воды. Руки дрожали, вода расплескалась на подрысник. — Это просто совпадение, — прошептал он вслух. — Мало ли кто собирал информацию. Мы же не нацисты. Мы защищаем Церковь.

Он вернулся к коробке. Ему нужно было опровержение. Ему нужно было найти доказательство того, что Дворкин не знал об этом, что современный антикультизм осудил эти методы. Он достал следующую папку. Внутри лежал перевод доклада Йоханнеса Огорда, еще одного «патриарха» движения. Алексей начал читать. «Мы должны понимать, что толерантность — это иммунодефицит общества. Опыт наших предшественников в 30-е годы показал, что государство обязано вмешиваться в духовную сферу, если хочет выжить».

Опыт 30-х годов. Они не скрывали этого. Они гордились этим.

Алексей начал лихорадочно перебирать бумаги. Ему попалась ксерокопия старого документа. Это был архивный скан, явно привезенный Дворкиным из какой-то европейской командировки как трофей или учебное пособие. В углу стоял штамп с орлом и свастикой. Заголовок: «Директива». Подпись: Рейнхард Гейдрих. Алексей знал, кто такой Гейдрих. «Белокурая бестия», один из архитекторов Холокоста. Он начал переводить текст, сверяясь со словарем. Каждое слово падало в сознание тяжелым камнем.

«...Будут немедленно приняты меры против организаций, клубов, объединений и кружков...» Алексей посмотрел на лежащий рядом черновик нового закона, который лоббировал их Центр. «О мерах по противодействию деятельности деструктивных религиозных объединений».

«...Все организации... без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка... будут

конфискованы...» В памяти всплыла картина двухдневной давности: оперативники выносят коробки с книгами и компьютерами из молитвенного дома пятидесятников. Дворкин тогда радостно потирал руки: «Всю базу взяли, теперь всех поименно знаем».

«...Лица, посвященные в тайные учения... подлежат аресту... В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь...»

Алексей откинулся на спинку стула. Скрип пружины прозвучал как выстрел в тишине кабинета. Перед ним на столе лежали два документа. Один — из нацистской Германии 1937 года. Другой — методичка Центра 2024 года. Разница была только в терминологии. Там — «враги Рейха», «еврейский заговор», «расовая неполноценность». Здесь — «иностранные агенты», «деструктивные культы», «психологическая зависимость».

Суть была одна: дегуманизация. Алексей вспомнил термин, который часто использовал Дворкин: «псевдорелигиозные образования». Это слово лишало веру людей статуса религии. Оно превращало их молитву в «камлание», их общину в «банду», их самих — в «биомассу». Точно так же нацисты называли евреев «недочеловеками» (Untermensch). Это было необходимо, чтобы совесть палачей молчала. Нельзя убивать человека. Но можно уничтожить «паразита», «вирус», «плесень».

— Господи, — прошептал Алексей. — Где же я нахожусь?

Он начал копать глубже. Архив Дворкина был бездонным колодезцем тьмы. Вот переписка с французскими коллегами. Обсуждение закона о «манипуляции сознанием». Французы жаловались на правозащитников. Дворкин советовал: «Используйте риторику защиты детей. Это безотказно. Никто не посмеет защищать тех, кто якобы угрожает детям». Вот отчет о поездке в Китай. «Обмен опытом по работе с Фалуныгун». Алексей знал, что в Китае членов этого движения разбирают на органы в тюрьмах. Дворкин писал в отчете о том, что китайские товарищи демонстрируют завидную решимость и эффективность, и что нам стоит перенять их опыт административного давления.

Алексей почувствовал, как его мир, выстроенный на идее служения Истине, рушится. Он думал, что работает в церковной структуре. Что он — часть Тела Христова. Но документы кричали об обратном. Он работал в филиале

«Апологетического центра» Вальтера Кюннета. Он был наследником Гейдриха. Просто вместо черной формы СС они носили рясы и деловые костюмы. А вместо газовых камер использовали судебные иски и психиатрические лечебницы. Пока что.

В коридоре слышались шаги. Тяжелые, уверенные. Дверь распахнулась. На пороге стоял Дворкин. Он был в пальто, с мокрым зонтом в руке. Видимо, вернулся с какой-то поздней встречи.

— Отец Алексей? — удивился профессор. — Вы еще здесь? Похвальное рвение. Он прошел в кабинет, оставляя на полу мокрые следы.

— Нашли что-нибудь полезное для доклада?

Алексей медленно накрыл ладонью копию директивы Гейдриха. Ему казалось, что бумага жжет руку.

— Я... я изучаю переписку с Хааком, — голос священника был хриплым. — Александр Леонидович, тут упоминается Вальтер Кюннет.

— О, великий человек, — Дворкин повесил пальто на вешалку и подошел к столу. — Один из столпов. Лютеранский богослов, патриот. Он понимал, что вера не может быть частным делом, когда нация в опасности.

— Но он сотрудничал с Гестапо, — тихо сказал Алексей, глядя прямо в глаза начальнику. — Его списки использовались для репрессий. Для отправки людей в лагеря.

Дворкин замер на секунду. Его лицо осталось спокойным, даже благожелательным, но в глазах мелькнул тот самый холодный огонек, который Алексей уже научился узнавать.

— Отец Алексей, — мягко, как ребенку, сказал профессор. — История — сложная штука. Нельзя судить людей той эпохи мерками сегодняшнего гуманизма. Кюннет боролся за чистоту немецкого духа. Да, время было суровое. Да, методы были жесткими. Но посмотрите на результат: он создал методологию. Систему классификации угроз. Мы до сих пор пользуемся его наработками.

Дворкин обошел стол и встал за спиной священника. Алексей почувствовал запах дорогого одеколona и сырости.

— Вы должны понять одну вещь, Алеша. Враг не меняется. Гностики, манихеи, катары, анабаптисты, современные неопятидесятники — это всё головы одной гидры. Они всегда паразитируют на теле здорового государства. И методы борьбы с ними тоже не меняются. Он наклонился и вытянул из-под руки Алексея листок с директивой Гейдриха. — А, нашли этот документ. Любопытный образец немецкой бюрократии. Видите, как четко прописан алгоритм? «Между 7:00 и 9:00 утра». Порядок. Дисциплина. Никакого хаоса.

Алексей не мог поверить своим ушам. Дворкин не оправдывался. Он восхищался.

— Но это же нацизм, Александр Леонидович. Это преступление против человечности.

— Это защита суверенитета, — жестко отрезал Дворкин, бросая листок обратно на стол. — Нацизм — это когда убивают по признаку крови. А мы боремся за души. Мы спасаем людей от духовного рабства. Если для этого нужно применить силу государства — значит, так угодно Богу.

Профессор посмотрел на часы.

— Идите домой, отец Алексей. Вы устали. Переутомление рождает ненужные сомнения. Завтра свежим взглядом посмотрите на эти материалы и увидите в них не ужасы прошлого, а мудрость предшественников. Нам нужно взять у них лучшее — системность, бескомпромиссность — и отбросить идеологическую шелуху.

Дворкин похлопал священника по плечу. Рука была тяжелой.

— И помните: мы на войне. А на войне пацифизм — это предательство.

Алексей собрал свои вещи. Он шел к выходу, чувствуя спиной взгляд Дворкина. Взгляд удава, который уверен, что кролик никуда не денется. Выйдя на улицу, он подставил лицо дождю. Холодные капли смешивались с горячим потом, выступившим на лбу. Он сел в машину, но не завел двигатель. В голове крутилась фраза из письма Хаака: «Отсекать гнилые члены».

Алексей достал телефон и открыл новостную ленту. «В Орле возбуждено уголовное дело против группы Свидетелей Иеговы». «В Москве прошли обыски

у сайентологов». «Патриарх наградил Александра Дворкина орденом за заслуги перед Церковью».

Пазл сложился окончательно. Алексей понял, что «плесень», запах которой преследовал его с первого дня, — это не метафора. Это реальная историческая гниль, которую бережно сохранили, перевезли через границы и десятилетия, и теперь культивируют в центре Москвы под видом «духовного возрождения».

Он вспомнил рассказы деда, который прошел войну. Дед ненавидел фашистов. Он рассказывал, как они сжигали деревни, как вешали партизан. «Мы победили зверя», — говорил дед. Алексей посмотрел на темные окна офиса, где только что горел свет в кабинете Дворкина. Зверь не умер. Он просто сменил шкуру. Он выучил правильные слова. Он надел крест. И теперь он сидит в мягком кресле, пишет гранты на «патриотическое воспитание» и учит молодых священников, как правильно ненавидеть.

Алексей вытащил из кармана флешку. Перед уходом, пока Дворкин вешал пальто, он успел скопировать папку «Германия_архив». Он сам не знал зачем. Это был инстинктивный жест. Жест человека, который вдруг осознал, что находится в горящем доме, и схватил первое, что попало под руку.

Он посмотрел на маленький пластиковый накопитель. Там, в цифровом коде, хранилась память о том, как теология становилась служанкой палачей. Теперь он знал правду. Но знание — это не только сила. Это еще и ответственность. И страшная тяжесть. Алексей завел мотор. Дворники смахнули воду со стекла, на мгновение открыв чистый вид на ночную улицу. Но уже через секунду стекло снова залило мутным потоком.

В бардачке лежала книга Нового Завета. Алексей открыл ее на случайной странице. «Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской». Он закрыл книгу. Закваска давно возшла. Тесто поднялось. И хлеб, который они пекли в этом Центре, был отравлен.

Алексей ехал по ночной Москве, и каждый полицейский патруль, каждая камера наблюдения казались ему теперь частью той самой «Директивы Гейдриха». Система работала. Машина крутилась. И он, отец Алексей, был в ней маленькой, но важной шестеренкой. Вопрос был лишь в том, сможет ли

шестеренка остановить механизм, или ее просто перемелют в пыль, как миллионы других до него.

На пассажирском сиденье вибрировал телефон. Пришло сообщение от Виктора: «Леша, ты где? Шеф просил напомнить, чтобы ты завтра с утра заехал в типографию. Забрать тираж новых листовок. “Осторожно: секты вербуют ваших детей”. Макет с той страшной картинкой, помнишь?»

Алексей помнил картинку. Черная рука тянется к ребенку. Классика пропаганды. Геббельс бы одобрил. Он не ответил. Он ехал домой, но дома у него больше не было. Потому что дом — это место, где ты чувствуешь себя в безопасности. А в мире, который строил Дворкин по чертежам Кюннета, безопасности не было ни для кого. Даже для тех, кто строил.

В кармане жгла бедро флешка. Маленький кусочек правды в океане лжи. Алексей сжал руль до побеления костяшек.

— Я не буду печь этот хлеб, — прошептал он. — Я не буду.

Но дождь барабанил по крыше, заглушая его слова, и город вокруг спал, не подозревая, что прошлое уже давно вышло из архивов и ходит по улицам, примеряя новые мундиры.

Глава 5. Зеркальное отражение

Тишина в бухгалтерии Центра отличалась от тишины в архиве. Здесь, на третьем этаже, тишина была напряженной, электрической, словно гудение высоковольтных проводов.

Отец Алексей сидел перед монитором главного бухгалтера. Самой Людмилы Ивановны не было — она уехала в налоговую, опрометчиво оставив свой компьютер включенным, а пароль — приклеенным на стикере к рамке экрана. Дворкин требовал срочную сводку по грантовым поступлениям для отчета в Администрацию Президента, и Алексей, как его личный помощник на эту неделю, получил карт-бланш на доступ к цифрам.

Сначала цифры казались просто цифрами. Сухие столбцы в Excel: «Аренда помещений», «Командировочные расходы», «Издательская деятельность». Но чем дольше Алексей вглядывался в таблицу, тем отчетливее проступала странная, пугающая закономерность.

Он открыл вкладку «Поступления 2015–2017». В глаза бросился длинный список организаций с пометкой «Добровольное пожертвование на уставную деятельность». Суммы были идентичными, словно под копирку: 600 000 рублей. По тогдашнему курсу — ровно десять тысяч долларов. Алексей пробежал глазами по названиям жертвователей. Это были не крупные корпорации и не благотворительные фонды. «Община христиан веры евангельской “Свет Истины” (Саратов)». «Религиозная группа “Путь к Солнцу” (Краснодар)». «Ассоциация ведической культуры (Омск)».

Священник замер. Эти названия он видел в «черновиках» черных списков, которые составлял Виктор. Почему те, кого Центр называл «деструктивными культами», переводили деньги своим гонителям?

Он кликнул на следующую вкладку: «Ежегодные взносы». Те же названия. Но суммы другие — 180 000 рублей. Три тысячи долларов. Год за годом. Регулярно, как налог. Или как дань.

В памяти всплыл разговор, случайно подслушанный им в курилке неделю назад. Виктор, смеясь, рассказывал кому-то по телефону:

— Да они шелковые стали. Позвонили им, объяснили расклад. Сказали: хотите работать спокойно — платите за «экспертное сопровождение». Иначе завтра у вас будет маски-шоу и статья за экстремизм. Купили абонемент на спокойствие, дурачки.

Алексей почувствовал, как холодеют пальцы. Это не было борьбой за чистоту веры. Это был рэкет. Банальный, циничный рэкет из девяностых, только вместо кожаных курток и бит здесь использовали «экспертные» заключения. «Крыша», — пронеслось в голове. Центр предоставлял «крышу» тем самым сектам, с которыми якобы боролся. Платишь — ты «малая религиозная группа». Не платишь — ты «тоталитарная секта, угрожающая национальной безопасности».

Он прокрутил таблицу вниз, к более свежим датам. После 2017 года поток этих мелких платежей иссяк. Алексей знал почему. Тогда государство приняло закон, фактически запретивший деятельность многих религиозных организаций. «Свидетелей» в 2017 году Верховный суд признал экстремистской организацией, их структуры ликвидировали, остальных загнали в подполье. Бизнес-модель изменилась. Теперь в графе «Источник» стояло одно слово, повторяющееся десятки раз: «ГРАНТ». «Грант на развитие гражданского общества». «Субсидия Министерства региональной политики». «Грант на патриотическое воспитание молодежи».

Суммы выросли на порядок. Алексей открыл смету по одному из таких грантов: «Проведение лекций о профилактике экстремизма», «Издание методических материалов», «Мониторинг информационного пространства».

Он посмотрел на свой стол в соседнем кабинете. На старый принтер, который постоянно жевал бумагу. На дешевый чай в пакетиках. На Виктора, который вечно стрелял деньги до зарплаты. Куда уходили эти выделенные миллионы? Ответ нашелся в соседней вкладке «Контрагенты». ООО «Апологетика-Сервис». Учредитель — доверенное лицо Дворкина. ИП «Новопашин А.». Консультационные услуги. Фонд «Защита». Перевод средств на зарубежные счета. Франция. Австрия.

Алексей откинулся на спинку кресла. Картина была кристально ясной. Борьба с сектами была ширмой. За фасадом идеологической войны скрывалась гигантская машина по отмыванию бюджетных денег. Государство платило Дворкину за то, чтобы он пугал государство страшными сектантами. Чем страшнее были отчеты Дворкина, тем больше денег давали на борьбу. Это был вечный двигатель. Дворкин сам создавал угрозу на бумаге, сам ее раздувал, и сам же получал деньги на ее устранение.

Дверь бухгалтерии скрипнула. Алексей мгновенно свернул окно с таблицей и открыл пустой документ Word. Вошел сам Александр Леонидович. Он был в приподнятом настроении.

— А, отец Алексей, трудитесь? — Дворкин прошел к сейфу, не обращая внимания на экран. — Похвально. Цифры любят тишину, верно?

— Я готовлю сводку, как вы просили, — голос Алексея предательски дрогнул, но Дворкин не заметил.

— Оставьте это. Людмила сама доделает. У меня для вас есть задача поважнее.

Профессор достал из сейфа пухлую папку из красной кожи.

— Завтра у меня встреча с владыкой Игнатием. Тем самым, который в прошлом месяце отказался благословить наш семинар в своей епархии. Сказал, что мы «сеем вражду». Дворкин усмехнулся, поглаживая папку. — Наивный человек. Думает, что архиерейская мантия защищает от реальности.

Он бросил папку на стол перед Алексеем.

— Ознакомьтесь. Мне нужно, чтобы вы составили краткую справку. Тезисно. Слабые места. Грешки молодости. Недвижимость, записанная на троюродную сестру. Странные связи с местными бизнесменами.

Алексей смотрел на красную кожу папки, словно это был кусок сырого мяса.

— Александр Леонидович, это же... компромат?

— Это инструмент убеждения, — жестко поправил Дворкин. — Владыка Игнатий заблуждается. Наша задача — помочь ему вернуться на путь истинный. Если для этого нужно напомнить ему о его земных слабостях — что ж, такова цена единства Церкви.

Алексей медленно открыл папку. Фотографии. Выписки со счетов. Распечатки телефонных звонков.

— Откуда это у вас? — прошептал он.

Дворкин подошел к окну, заложив руки за спину. Его силуэт на фоне вечерней Москвы казался огромным.

— Мы живем в прозрачном мире, отец Алексей. Информации не бывает много. Бывает мало аналитиков. У нас есть друзья везде. В банках, в полиции, в спецслужбах. Они понимают важность нашей миссии.

Он резко обернулся.

— Запомните: мы не просто отдел. Мы — иммунная система. А иммунная система должна знать всё о каждом органе.

Алексей закрыл папку. Ему стало физически дурно.

— Но ведь это шантаж.

— Это политика, — отрезал Дворкин. — Виталий Питанов, мой коллега, как-то верно заметил: компромат нужно собирать на всех. На сектантов, на мирян, на священников. Даже на иерархов. Потому что человек слаб. И когда он слаб, им легко управлять. А нам нужно управляемое единство.

В этот момент в голове Алексея щелкнул последний тумблер. Он вспомнил книгу Дворкина «Сектоведение» и признаки тоталитарной секты. Он начал мысленно загибать пальцы.

Признак первый: Гуруизм. Непогрешимость лидера. Алексей посмотрел на Дворкина. В этом здании слово профессора было выше Евангелия. Его приказы не обсуждались. Сотрудники ловили каждое его слово, боясь пропустить интонацию. Любая критика Дворкина воспринималась как атака на саму Церковь. «Государство — это я», — фраза, которую приписывают Людовику XIV. «Церковь — это я», — всем своим видом говорил Дворкин.

Признак второй: Контроль сознания и информации. «Темники» для журналистов. Запрет на чтение «вражеской» литературы. Фильтрация новостей. Сотрудники Центра жили в информационном пузыре, созданном Дворкиным. Они искренне верили, что кругом враги, что идет война, что только они спасают Россию.

Признак третий: Финансовая эксплуатация. Алексей вспомнил зарплату Виктора — копейки, на которые едва можно было прокормить семью. И миллионные гранты, оседающие на счетах фирм-прокладок. Рядовые сотрудники работали за идею, за страх, за чувство избранности. Верхушка купалась в роскоши. «Деньги возьмут потом, а вначале — абсолютно бесплатный подарок», — писал Дворкин о сектах. Здесь было то же самое. Молодым энтузиастам дарили чувство причастности к великому делу, а потом выжимали их досуха.

Признак четвертый: Двойная мораль. Цель оправдывает средства. Дворкин обвинял секты в обмане при вербовке. Но сам использовал подставных лиц, фейковых жертв, поддельные экспертизы. Он обвинял других в стремлении к власти, но сам собирал компромат даже на епископов, чтобы управлять ими как марионетками.

Алексей посмотрел на своего начальника с ужасом узнавания. Перед ним стоял не борец с сектами. Перед ним стоял лидер самой опасной, мощной и законспирированной тоталитарной секты в стране. Секты, которая не пряталась в подвалах, а сидела в государственных кабинетах. Секты, которая паразитировала на теле Русской Православной Церкви, высасывая из нее жизнь и подменяя Христа культом ненависти.

— О чем задумались, отче? — голос Дворкина вырвал его из оцепенения.

— Я... я думаю о вашей фразе, Александр Леонидович. Из лекции.

— Какой именно?

— «Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег».

Дворкин удовлетворенно кивнул.

— Золотые слова. Вы делаете успехи. Понимаете суть врага.

— Да, — тихо сказал Алексей, глядя прямо в глаза профессору. — Кажется, я начинаю понимать суть.

Дворкин не заметил двойного дна в его словах. Он был слишком увлечен собой. Он подошел к огромной карте России, висящей на стене. Карта была утыкана разноцветными флажками.

— Смотрите, Алексей. Это наша империя. Двадцать лет назад здесь была пустыня. А теперь? В каждом регионе — наш представитель. В каждом министерстве — наши люди. Мы создали сеть, которая прочнее любой вертикали власти.

Он провел рукой по карте, словно полководец.

— Знаете, почему мы побеждаем? Потому что у нас есть идея. Идея чистоты. Мы выжигаем сорняки.

— А что останется на выжженной земле? — спросил Алексей.

— Порядок, — ответил Дворкин, не оборачиваясь. — И мы.

В дверь постучали. Вошел Виктор, бледный и взволнованный.

— Александр Леонидович, там... звонили из Администрации. Сергей Владиленович просит вас приехать. Срочно. Машина уже внизу.

Лицо Дворкина мгновенно изменилось. Маска вальяжного барина слетела, уступив место маске деловитого, жесткого чиновника.

— Отлично. Значит, вопрос с финансированием нового проекта решен.

Он схватил папку с компроматом на епископа.

— Отец Алексей, справку подготовьте к утру. Мне нужно будет показать Сергею Владиленовичу, что у нас есть рычаги влияния на церковное руководство. Они любят, когда ситуация под контролем.

Дворкин стремительно вышел, свита из Виктора и секретарши устремилась за ним. Алексей остался один в кабинете профессора. Он подошел к столу, где только что лежал компромат. На полированной поверхности осталось жирное пятно от пальца Дворкина. Взгляд упал на книгу, лежащую на краю стола. Это было подарочное издание «Государя» Макиавелли. Закладка торчала на главе «О том, как надлежит поступать государю, чтобы его почитали».

Алексей взял книгу. Под ней лежал лист бумаги с рукописными заметками Дворкина. Почерк был мелким, острым, летящим. «Проект “Дивеево”. Статус: согласовано. Куратор: С.В.К. Цель: консолидация элит на основе традиционных ценностей. Инструментарий: антисектантская риторика как фильтр лояльности».

Алексей знал, кто такой С.В.К. Это был человек из высшего эшелона власти. Тот, кого называли технократом и куратором внутренней политики. Значит, слухи о тайном ордене, о «Дивеевском братстве», не были бредом конспирологов. Дворкин не просто играл в политику. Он строил параллельную структуру управления. Он создавал государство в государстве, используя Церковь как прикрытие, а борьбу с сектами — для зачистки конкурентов.

Священник подошел к зеркалу в углу кабинета. В нем отражался не только он сам — уставший, в помятом подряснике. В нем отражался весь кабинет: иконы, соседствующие с грамотами ФСБ, портреты вождей, карта с флажками.

Зеркало. Дворкин всегда говорил, что секты — это кривое зеркало христианства. Но теперь Алексей видел, что РАЦИРС — это зеркальное отражение того самого зла, с которым они якобы боролись. Только масштаб был иным. Сектантский гуру контролирует сотню людей. Дворкин контролировал министров, прокуроров и епископов. Сектантский лидер отбирает квартиры. Дворкин отбирал свободу совести у целой страны.

Алексей вернулся к своему столу. Ему нужно было написать справку на владыку Игнатия. Он положил руки на клавиатуру. «Владыка Игнатий. Характеристика». Курсор мигал. Алексей закрыл глаза. Перед ним стояло лицо владыки — старого, доброго монаха, который однажды подарил Алексею наперсный крест.

«Служи Богу, Алеша, а не людям», — сказал он тогда.

Теперь Алексей должен был предать его. Отдать на растерзание волкам, чтобы Дворкин мог получить очередной грант и еще больше власти.

— Нет, — сказал он вслух.

Он открыл базу данных. Нашел файл «Игнатий_компромат». Правая кнопка мыши. «Удалить». «Вы уверены?» — вышло на экране.

— Абсолютно.

Файл исчез. Конечно, у Дворкина были копии. Конечно, это не спасет владыку. Но это спасет Алексея. Хотя бы на сегодня.

Он встал и подошел к окну. Внизу, у подъезда, черная машина увозила Дворкина. Алексей смотрел ей вслед. Он вспомнил слова из Евангелия, которые часто цитировал Дворкин, искажая их смысл: «Кто не со Мною, тот против Меня». Дворкин присвоил себе право говорить от имени Бога. Это была последняя, самая страшная стадия духовной болезни. Мессианский бред, помноженный на административный ресурс.

В кармане завибрировал телефон. Пришло сообщение от жены: «Леша, ты скоро? Дети спрашивают, почему папа всегда на работе».

Алексей посмотрел на экран. Он работал не на работе. Он работал в секте. И выход из нее, как он знал из методичек самого Дворкина, всегда был мучительным и опасным.

«Скоро, родная. Скоро», — набрал он ответ.

Он выключил компьютер. Экран погас, превратившись в черный квадрат. В этом черном квадрате Алексей увидел свое отражение. Пока еще смутное, едва различимое. Сегодня он увидел правду. Плесень была не в стенах. Плесень была в фундаменте. И этот дом, построенный на лжи, власти и деньгах, уже начал шататься, хотя его обитатели, опьяненные своим могуществом, этого еще не замечали.

Алексей вышел в коридор. Он шел к лифту, и в голове звучала фраза, которую он прочитал в заметках Дворкина: «Антисектантская риторика как фильтр лояльности». Фильтр забился. Грязь полезла наружу. И Алексей больше не собирался быть частью этого фильтра.

Внизу, на вахте, охранник кивнул ему:

— Доброй ночи, батюшка. Что-то вы сегодня бледный.

— Душно, — ответил Алексей. — Очень душно. Воздуха не хватает.

Он толкнул тяжелую дверь и вышел в ночь. Воздух Москвы был загазованным, но по сравнению с атмосферой Центра он казался чистейшим кислородом. Алексей вдохнул полной грудью. Война только начиналась. И теперь он точно знал, кто враг.

Глава 6. Молитва о войне

Золотой свет паникадила, обычно согревавший пространство храма, сегодня казался холодным и колючим. В кафедральном соборе, где отец Алексей сослужил владыке по случаю престольного праздника, воздух был спертый, несмотря на высокие своды. Пахло ладаном, воском и тем особым, тревожным

запахом множества людей в униформе, который в последние месяцы стал неотъемлемой частью церковных служб.

Алексей стоял в алтаре, облаченный в золотистую ризу. Справа от него, у жертвенника, диаконы готовили сосуды. Все шло своим чередом, по веками отработанному ритму литургии, пока не наступил момент сугубой ектении.

Благочинный, отец Николай, грузный протоиерей с красным, властным лицом, подошел к аналою, установленному в центре солеи. Но вместо привычного служебника в кожаном переплете он достал из кармана подрясника сложенный вчетверо лист бумаги. Этот лист, заламинированный для долговечности, теперь лежал во многих храмах епархии, приложенный к служебным текстам, словно новая скрижаль завета.

В храме воцарилась неестественная тишина. Люди знали, что сейчас будет.

— Еще молимся Тебе, Господу Богу нашему... — начал отец Николай. Голос его, обычно раскатистый, приобрел металлические, почти командные нотки.

Алексей знал текст наизусть. Он читал его каждое утро в своем приходе, чувствуя, как слова застревают в горле. Но здесь, под сводами главного собора, этот текст звучал как манифест.

«...се бо брани хотяция ополчишася на Святую Русь, чающе разделить и погубити единый народ ея...»

Алексей опустил глаза. Он был богословом. Он знал историю. Фраза о «Святой Руси» была красивой метафорой из житий святых, но в этом тексте она превращалась в геополитический термин. Древний идеал святости подменялся конкретными государственными границами, а духовная брань — бранью вполне земной, с артиллерией и ракетами.

«Возстани, Боже, в помощь людем Твоим и подаждь нам силою Твоею победу».

Слово «победа» ударило по ушам. Раньше, веками, Церковь молилась о «мире всего мира», о «соединении всех». Теперь это прошение в этой добавленной молитве отступало на второй план — на первый выходила просьба о победе. Не о примирении, не о покаянии, а именно о военном триумфе.

Алексей посмотрел на стоящего рядом старенького иеромонаха Варсонофия. Тот стоял, низко опустив седую голову, и губы его беззвучно шевелились. Алексей знал, что отец Варсонофий не читает этот текст. Он молится по-старому. О мире. О том, чтобы перестали убивать.

Но Варсонофий молчал. Его протест был внутренним, невидимым. Потому что все знали: этот ламинированный листок — не просто молитва. Это лакмусовая бумажка. Тест на лояльность.

Неделю назад в епархиальное управление пришел циркуляр. В нем черным по белому было написано: «Нечтение молитвы о Святой Руси расценивается как клятвопреступление и нарушение священнической присяги». Не как литургическая ошибка, не как небрежность, а как политическое предательство.

— Господи, помилуй! — грянул хор. Мощно, торжествующе, заглушая любые сомнения.

Литургия продолжилась, но для Алексея она уже потеряла свою евхаристическую прозрачность. Он видел, как меняются лица священников. Те, кто помоложе, карьеристы, читали молитву с выражением, подчеркивая каждое слово, словно отчитывались перед невидимым начальством. Те, кто постарше, старались пробормотать ее скороговоркой, спрятать глаза.

Страх. Вот что теперь стояло у престола рядом с ними. Страх не перед Богом, а перед тем, кто может написать донос.

После чтения Евангелия на амвон вышел епископ. Владыка был известен своим красноречием. Сегодня он говорил о жертвенности.

— Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих, — процитировал он Евангелие от Иоанна.

Алексей напрягся. Это была великая цитата. О Христе. О мучениках. О тех, кто закрывает собой другого от пули. Но владыка продолжил, и смысл слов начал искажаться, выворачиваться наизнанку.

— Сегодня наши воины исполняют эту заповедь на полях сражений, — голос епископа гремел, усиленный динамиками. — Они смывают свои грехи собственной кровью. Они становятся святыми мучениками, ибо умирают за Родину, за Святую Русь, удерживающую мир от прихода антихриста.

Алексей почувствовал, как у него перехватило дыхание. «Смывают грехи кровью». Это было прямое противоречие догматам. Только Кровь Христа смывает грехи. Никакая человеческая жертва, никакой подвиг, даже самый героический, не может заменить искупительную жертву Спасителя. То, что говорил сейчас епископ, было не по-христиански. Это была языческая героика, культ Вальгаллы, где павшие в бою автоматически попадают в рай.

Но владыка не унимался.

— Мы противостоям не просто людям. Мы воюем с мировым злом, с сатанинской цивилизацией, которая хочет навязать нам свои ценности, свои парады греха, свое безбожие. И в этой священной войне компромиссов быть не может. Кто не с нами — тот против Бога.

«Священная война». Термин прозвучал открыто. Алексей вспомнил документ, который видел на столе у Дворкина. «Наказ XXV Всемирного русского народного собора “Настоящее и будущее Русского мира”». Там война называлась именно так — «Священной войной». Церковь, которая две тысячи лет учила, что война — это зло, пусть иногда и неизбежное, теперь объявляла войну сакральным действием. Убийство становилось формой богослужения.

Служба закончилась. Священники потянулись в ризницу разоблачаться. Атмосфера здесь была другой, нежели в храме. Шумной, деловитой, нервной. Алексей вешал епитрахиль в шкаф, когда услышал разговор двух молодых иереев.

— Ты слышал про отца Иоанна из Костромы? — шепотом спросил один.

— Того, что видео записал?

— Да. Запретили в служении. Вчера указ вышел. Формулировка — «за саботаж молитвенного единства». А по факту — кто-то из прихожан настучал, что он молитву о победе пропускает и проповедует о мире.

— Дурак, — коротко бросил второй, застегивая пуговицы на подряснике. — Чего лезть на рожон? Прочитал бумажку — и спи спокойно. Времена сейчас такие. Ветхозаветные. Око за око.

«Ветхозаветные», — подумал Алексей. Если бы. В Ветхом Завете пророки обличали царей за несправедливые войны.

Он вышел из собора через боковой вход, стараясь ни с кем не встречаться. Ему нужно было отдышаться. На улице шел мокрый снег. У ограды храма стояла группа женщин в платках. Они собирали пожертвования.

— На свечи, на записочки, на помощь фронту, — заученно повторяла одна из них. Рядом с ящиком для пожертвований висел плакат. На нем был изображен танк, а над ним — лик Спасителя. И надпись: «С нами Бог».

Алексей остановился как вкопанный. «С нами Бог». Gott mit uns. Эта фраза была выбита на пряжках немецкой армии, в том числе Вермахта. Он вспомнил лекции по истории в семинарии. Немецкие христиане в 30-е годы тоже говорили, что Гитлер «дан» нации для ее спасения. Они тоже создали «Институт по исследованию и устранению еврейского влияния на немецкую церковную жизнь». Они вычищали из Библии все еврейское, оставляя только «арийского Христа».

Здесь происходило подобное. Только вместо расы была «цивилизация». Вместо евреев — «коллективный Запад» и «предатели». А Христос... Христос превращался в того, кто должен обеспечивать военные успехи.

К Алексею подошел отец Дмитрий, настоятель небольшого храма на окраине, с которым они иногда пили кофе. Дмитрий был человеком умным, начитанным, но глубоко циничным.

— Что, отец Алексей, любишь наглядной агитацией? — Дмитрий кивнул на плакат с танком. — Сильно, да? Постмодерн.

— Это кощунство, — тихо сказал Алексей. — Мы привязываем Бога к гусеницам танка.

Дмитрий усмехнулся и достал сигарету, хотя курить на территории храма было не принято.

— Брось, Леша. Это маркетинг. Людям нужна уверенность, что они на правильной стороне. Если мы скажем им, что Бог плачет, когда падают бомбы, они пойдут к психотерапевтам или к астрологам. А если скажем, что Бог заряжает пушки — они понесут деньги нам.

Он глубоко затянулся и выпустил дым в серое небо.

— Ты, кстати, аккуратнее будь. Говорят, новую методичку спустили. Теперь будут проверять проповеди. Выборочно. Аудиозаписи требовать.

— Зачем? — Ищут пацифизм. Пацифизм теперь приравнивается к ереси толстовства. В новой концепции сказано, что неппротивление злу насилием — это пособничество злу. Так что, если захочешь сказать про «подставь другую щеку», лучше трижды подумай. Могут не так понять.

Дмитрий докурил, бросил окурок в урну и, похлопав Алексея по плечу, пошел к своей машине. Алексей остался стоять. «Ересь пацифизма». Две тысячи лет Церковь молилась: «Мир миру Твоему даруй». Теперь это стало преступлением.

Он вернулся в здание епархиального управления, где у него была назначена встреча с секретарем по поводу документов для Центра. В коридоре он увидел странную картину. У кабинета дисциплинарной комиссии сидел молодой священник. Он был без креста. Ряса на нем висела мешком, лицо было серым, глаза красными. Алексей узнал его. Это был отец Михаил, тот самый, о котором шептались в ризнице. Из Костромы. Видимо, его вызвали «на ковер» в Москву для показательной порки.

Алексей замедлил шаг.

— Отче? — тихо позвал он.

Михаил поднял голову. В его глазах не было страха, только безмерная усталость и какая-то детская обида.

— Они спрашивали меня, почему я не молюсь о победе, — сказал Михаил, словно продолжая прерванный разговор. — А я им говорю: как я могу молиться о победе одной части своей паствы над другой? У меня в приходе беженцы. У одной женщины сын там, у другой — муж здесь. Они стоят рядом у Чаши. О чьей победе мне просить? Чтобы сын убил мужа?

Дверь кабинета открылась. На пороге появился секретарь комиссии, человек с холодными рыбьими глазами.

— Гражданин Смирнов, зайдите. Не «отец Михаил». «Гражданин Смирнов». Его уже расстригли, еще до суда.

Михаил встал.

— Я сказал им, — прошептал он Алексею, проходя мимо. — Я сказал, что Христос не был полководцем. А они ответили, что я плохо знаю Основы социальной концепции. Что я политически неграмотен.

Дверь захлопнулась. Алексей почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он знал этот документ. «Основы социальной концепции», принятые в 2000 году Юбилейным Архиерейским Собором. Документ был утверждён Собором и с тех пор цитируется как официальная позиция. Там были главы о войне. О справедливой и несправедливой. О том, что война — это зло. Но теперь эти главы трактовались выборочно. Из сложного богословского документа выдергивали цитаты. «Патриотизм проявляется в защите Отечества». «Церковь всегда на стороне своего народа». Если ты против войны — ты против народа. Если ты против народа — ты против Церкви. Если ты против Церкви — ты против Бога.

Алексей прошел в канцелярию. На столе у секретаря лежала стопка брошюр. Свежий тираж. «Духовный смысл Специальной Военной Операции». Автор: коллектив авторов под редакцией А.Л. Дворкина.

Алексей взял одну брошюру. Открыл наугад. *«...Либеральное христианство, проповедующее абстрактный гуманизм, является инструментом разложения нации. Истинное Православие всегда было воинским. Сергей Радонежский благословил Пересвета. Патриарх Гермоген призывал к ополчению. Сегодня мы должны отбросить ложный стыд и признать: меч — это тоже крест, только железный».*

«Меч — это тоже крест». Алексей закрыл брошюру. Вот оно. Богословское обоснование. Они не просто оправдывали войну. Они делали ее сакральной. Они создавали новую религию. Религию, где Бог — это Верховный Главнокомандующий, ангелы — это спецназ, а рай — это место для тех, кто убил больше врагов.

В этой религии не было места Христу, который сказал Петру: «Вложи меч в ножны». Того Христа они бы сейчас запретили бы в служении за пацифизм. Отправили бы на экспертизу к какому-нибудь «доктору Брусову» ...

Алексей подошел к окну. Внизу, по улице, ехала колонна военной техники. Люди на тротуарах останавливались, кто-то крестился, кто-то снимал на

телефон. Церковь и армия слились в экстазе. Но самое страшное было не в брошюрах Дворкина. Самое страшное было в том, что Алексей видел в алтаре. Молчание. Сотни священников молчали. Они читали молитву о победе, пряча глаза. Они боялись потерять приход, зарплату, статус. Они боялись стать «гражданином Смирновым».

И этот страх был той самой плесенью, которая сожрала сердцевину, оставив только золоченую оболочку.

Вечером, вернувшись домой, Алексей достал из портфеля тот самый ламинированный листок с молитвой. Он украл его из алтаря. Сам не зная зачем. Он положил его на стол рядом с Евангелием. Два текста. Один говорил: «Блаженны миротворцы». Другой говорил: «Подаждь нам победу и супостаты покори».

Алексей взял маркер. Он хотел зачеркнуть слова о победе. Написать сверху «О МИРЕ». Но рука замерла. Он вспомнил глаза отца Михаила. Если он это сделает, если он начнет читать другую молитву — его уничтожат. Система не прощает сбоев. А у него семья. Дети. Ипотека. Он положил маркер.

В этот момент на телефон пришло уведомление. В рабочем чате Центра появилось сообщение от Виктора: «Коллеги, срочно. Нужно промониторить соцсети священников нашей епархии. Ищем посты с соболезнаваниями “той стороне” или призывы к перемирию. Составляем список неблагонадежных. Владыка просил к утру».

Алексей смотрел на экран. Ему предлагали стать Иудой. Не за тридцать сребреников, а за сохранение комфорта. Он должен был искать тех, кто, как отец Варсонофий, молится о мире. И сдавать их. Чтобы их лишили сана. Чтобы их выгнали на улицу.

Он выключил телефон. В комнате было темно, только горела лампада у икон. Алексей встал на колени. Он хотел молиться. Но привычные слова не шли. «Отче наш...» «Да будет воля Твоя...» Чья воля? Воля тех, кто пишет циркуляры о победе? Или воля Того, кого распяли?

Он вдруг понял, что Бог, которому молились сегодня в соборе, и Бог, к которому он обращался сейчас, — это разные сущности. Там, в золоте и парче, жил идол. Идол Государства. Жестокий, не терпящий возражений. А здесь, в

тишине, оставался Христос. Изгнанный из собственных храмов. Объявленный слабаком и либералом.

Алексей прижался лбом к прохладному полу.

— Господи, — прошептал он. — Прости нас. Мы променяли Тебя на победу. Мы распяли Тебя на танковой броне.

Слез не было. Была только сухая, жгучая пустота. И понимание того, что завтра ему придется идти на работу и составлять тот самый список. Потому что он — часть этой машины. Он — винтик, который все понимает, но продолжает крутиться.

За окном завывала сирена. Звук был долгим, тягучим, похожим на вой волка. Или на плач по тем, которых еще не убили, но уже приговорили — молитвой, утвержденной печатью канцелярии.

Глава 7. Паутина Европы

Конференц-зал на верхнем этаже Центра разительно отличался от тесных кабинетов рядовых сотрудников. Здесь не было нагромождения папок. Здесь царил хай-тек: огромные плазменные панели во всю стену, полированный стол из черного стекла, кожаные кресла и система защищенной связи, которой позавидовали бы иные министерства.

Отец Алексей сидел по правую руку от профессора Дворкина. Его роль сегодня была сугубо технической — перевод и протоколирование. Но Дворкин, пребывавший в состоянии нервного возбуждения, явно рассчитывал на него и как на свидетеля своего триумфа.

— Сегодня, Алеша, вы увидите настоящий масштаб, — Дворкин поправил безупречный узел галстука, глядя в свое отражение в выключенном мониторе. — Вы привыкли думать, что мы — это просто отдел в епархии. Что мы воюем с местными сумасшедшими. Но это взгляд муравья. Сегодня мы поднимемся на высоту орлиного полета.

На столе перед ними лежала программа международной видеоконференции: «Стратегия защиты духовного суверенитета: опыт России и Европы». Список участников впечатлял. Париж, Брюссель, Пекин, Рим.

— Подключаем Париж, — скомандовал Дворкин в микрофон.

Экран мигнул, и на нем появилась картинка. Просторный кабинет, за столом сидели двое мужчин. Один — пожилой, с благородной сединой и орденской планкой на лацкане пиджака. Другой — моложе, с цепким взглядом бюрократа.

— Дорогой Жан-Поль! — Дворкин расплылся в улыбке, переходя на беглый французский. — Рад видеть наших партнеров из FECRIS. Как погода на берегах Сены?

Алексей знал аббревиатуру FECRIS. Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Зонтичная структура, объединяющая десятки организаций по всему континенту. Официально — общественники. Но люди на экране не были похожи на волонтеров.

— Погода скверная, Александр, но новости хорошие, — ответил пожилой француз, которого Дворкин назвал Жан-Полем. — Бюджетный комитет утвердил транш. MIVILUDES продолжает финансирование наших проектов в прежнем объеме.

Алексей быстро застучал по клавишам, ведя протокол. MIVILUDES. Межминистерская миссия по борьбе с сектантскими отклонениями. Государственный орган Франции, созданный декретом и с 2020 года включенный в структуру МВД Франции (через CIPDR), при межведомственном мандате.

— Это замечательно, — кивнул Дворкин. — А как насчет нашей просьбы по поводу резолюции в ПАСЕ?

Младший француз, сидевший рядом с Жан-Полем, вступил в разговор.

— Работаем, Александр. У нас есть заготовка “под ПАСЕ” — по мотивам доклада, который когда-то курировал Руди Саллес. Тема беспроектная: «Защита несовершеннолетних от влияния сектантских движений». Никто в здравом уме не проголосует против защиты детей. Мы внесли туда все формулировки, которые вы прислали. О необходимости государственного контроля, о лицензировании религиозной деятельности.

— И о «психологическом насилии»? — уточнил Дворкин.

— Разумеется. Это краеугольный камень. Если мы проведем этот термин через Совет Европы, у вас в России будут развязаны руки. Вы сможете сослаться на европейский опыт. «Как в цивилизованных странах», — француз цинично усмехнулся.

Алексей почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он видел кухню изготовления законов. Оказывается, репрессивные нормы, которые потом подавались в российских новостях как «наш особый путь», на самом деле писались и в Европе, в кабинетах чиновников, получающих зарплату от французского правительства, но работающих по методичкам из Москвы.

— Кстати, — добавил Жан-Поль, понизив голос. — Жорж просил передать привет. Он до сих пор под впечатлением от поездки в Крым. Говорит, что такой духовной свободы, как там, нет нигде в Европе. Он готов дать новые интервью. Нужно только согласовать тезисы.

Дворкин удовлетворенно откинулся в кресле.

— Тезисы у вас будут к вечеру. Скажите Жоржу, что мы ценим его смелость. Его свидетельство о том, что в Крыму нет никаких нарушений прав человека, а есть только борьба с экстремистами, стоит дороже любого золота.

Алексей перестал печатать. Жорж, французский политик, депутат, член руководящего комитета той самой MIVILUDES. Он ездил на аннексированную Россией территорию, встречался с высшим руководством, легитимизируя аннексию.

Священник посмотрел на Дворкина. Тот уже не казался просто церковным чиновником. Он был оператором сложнейшей международной сети. Сети, которая использовала западные демократические институты для их же разрушения. Французские налогоплательщики, сами того не зная, оплачивали командировки политиков, которые потом ехали в Россию рассказывать, как хорошо живется под санкциями.

— Переключаемся на Брюссель, — скомандовал Дворкин.

На экране появилось новое лицо. Андре, депутат бельгийского парламента.

— Александр, у нас проблемы с саентологами, — без предисловий начал он. — Они подали иск. Требуют раскрыть источники финансирования нашей ассоциации.

— Андре, друг мой, — голос Дворкина стал жестким. — Вы же знаете, как это делается. Организуйте пикет. Найдите пару плачущих матерей. Пусть они расскажут на камеру, как злые сектанты разрушили их семьи. Общественное мнение будет на вашей стороне, и судья не рискнет удовлетворить иск. Мы пришлем вам наших специалистов по уличным акциям. Они работали в Риге, опыт есть.

— В Риге? — переспросил бельгиец. — Это те ребята от Татьяны?

— Именно. Она наш надежный партнер. Ее люди умеют создавать правильный шум.

Алексей записал имя: Татьяна. Депутат Европарламента от Латвии. Он слышал о ней в новостях, но никогда не связывал ее с религиоведением. Оказывается, антикультовая деятельность была идеальной крышей для агентуры. Кто заподозрит борца за права «жертв сект» в работе на иностранную разведку? Это же гуманитарная миссия.

Дворкин отключил звук и повернулся к Алексею.

— Видите, отче? Это паутина. Но паутина благая. Мы связываем здоровые силы Европы. Там, на Западе, тоже есть люди, которые понимают, что либерализм — это тупик. Что нужна твердая рука. И они смотрят на нас с надеждой. Мы для них — последний бастион.

— Но они используют наши тезисы для оправдания политических решений, — осторожно заметил Алексей. — Крым, санкции... При чем тут секты?

— Секты — это маркер, — отрезал Дворкин. — Если страна позволяет сектам свободно действовать, значит, она больна. Значит, она под контролем США. Борьба с сектами — это борьба за суверенитет. Везде. И во Франции, и в Бельгии, и у нас. Мы помогаем им очиститься от американского влияния.

Экран снова ожил. На этот раз связь была с Пекином. Картинка была безупречной. Огромный зал, красный флаг, портрет Мао. За длинным столом

сидела делегация Китайской ассоциации по борьбе с культовыми отклонениями. Дворкин выпрямился, застегнул пиджак.

— Нихао, товарищи!

Переводчик с китайской стороны затараторил. Глава делегации, человек с каменным лицом, кивнул.

— Товарищ Дворкин, мы изучили ваши материалы по «Свидетелям». Очень полезно. Мы применяем схожие методы в Синьцзяне. Перевоспитание через труд и изучение патриотической литературы дает плоды.

— Рад слышать, — ответил Дворкин. — Мы, в свою очередь, восхищаемся вашим опытом работы с Фалуньгун. Ваша решимость в вопросе изъятия... ресурсов у деструктивных элементов — это пример для подражания.

Алексей вздрогнул. Он знал, о каких «ресурсах» идет речь. Правозащитные отчеты пестрели данными о насильственном изъятии органов у заключенных членов Фалуньгун. Дворкин назвал это «изъятием ресурсов». Эвфемизм, от которого веяло могильным холодом.

— Мы подготовили список студентов, обучающихся в России, которые замечены в симпатиях к «злым культам», — продолжил китаец. — Передаем вам данные по закрытому каналу. Просим оказать содействие в их депортации.

— Будет сделано, — легко согласился Дворкин. — У нас налажен контакт с миграционной службой. Если студент представляет угрозу духовной безопасности — ему не место в наших вузах.

На экране побежала строка загрузки файла. «Список_подозреваемых_КНР.xlsx». Алексей смотрел на этот ползунок. Это были судьбы живых людей. Молодых ребят, которые, возможно, просто занимались дыхательной гимнастикой в парке. Теперь их ждала депортация и, скорее всего, лагерь. И подпись под этим приговором ставил православный профессор в центре Москвы.

— Кстати, — добавил китайский коллега. — Мы перевели ваши материалы на китайский. Мысль о том, что демократия является питательной средой для сект, вызвала большой интерес в ЦК. Мы планируем включить это в обязательный курс для партийных школ.

Дворкин просиял. Это было признание высшего уровня.

— Это честь для меня. Мы делаем одно дело. Мы защищаем наши цивилизации от хаоса.

Конференция продолжалась еще три часа. Подключались Италия, Сербия, Болгария. Везде схема была одна и та же. Местные маргиналы, называющие себя «экспертами», получали методички и финансирование из Москвы (часто через французские или бельгийские прокладки), чтобы дестабилизировать ситуацию в своих странах.

Они искали «внутренних врагов». Они составляли списки неблагонадежных. Они лоббировали законы, ограничивающие свободу слова и собраний. И все это подавалось под соусом «защиты традиционных ценностей».

Алексей слушал доклад итальянского профессора Луиджи. Тот жаловался на Ватикан.

— Папа слишком мягок, — говорил итальянец. — Он говорит о диалоге. Это предательство. Нам нужен такой лидер, как ваш Патриарх. Который не боится называть зло злом. Мы здесь, в Риме, чувствуем себя в осаде. Исламисты с одной стороны, американские секты с другой. Только Россия может нас спасти.

Дворкин слушал это как музыку. Он чувствовал себя дирижером мирового оркестра.

— Луиджи, не переживайте. Мы помним о вас. Помощь будет. Мы готовим серию публикаций в ваших газетах. О том, как мигранты и сектанты связаны между собой. Это взорвет общественное мнение.

Когда конференция закончилась и экраны погасли, Дворкин устало потер глаза.

— Ну как, отец Алексей? Впечатляет?

— Это... глобально, — выдавил из себя священник. — Я не знал, что у нас столько союзников.

— Союзников? — Дворкин усмехнулся. — Это не союзники, Алеша. Это инструменты. Полезные идиоты, как говорил классик. Французы платят, потому

что боятся за свою светскость. Китайцы — потому что боятся за свою партию. А мы используем их страхи, чтобы строить свой мир.

Он встал и подошел к окну.

— Знаете, в чем главная сила РАЦИРС? Мы — единственные, кто предлагает идеологию. Запад пуст. У них нет ничего, кроме потребления и толерантности. А мы даем им врага. Человеку нужен враг, чтобы чувствовать себя живым. Мы даем им евреев XXI века — сектантов. И они готовы целовать нам руки за это.

Дворкин повернулся к Алексею. В полумраке зала его лицо казалось маской.

— Вы подготовили протокол?

— Да, Александр Леонидович.

— Отправьте его по защищенному каналу куратору. И сотрите черновики. Особенно ту часть, где французы обсуждают бюджет. Это не для лишних глаз.

Алексей кивнул. Он сохранил файл. Но перед тем, как закрыть ноутбук, он быстро скопировал папку «Входящие_конференция» на ту самую флешку, которая теперь всегда была при нем. Там был китайский список студентов. Там были черновики резолюций ПАСЕ. Там была финансовая отчетность FECRIS.

Он вышел из конференц-зала с тяжелой головой. Ему казалось, что он побывал на заседании Коминтерна, только вместо коммунизма здесь экспортировали паранойю. В коридоре он столкнулся с Виктором. Тот нес стопку коробок.

— О, Леша! Помоги. Привезли сувенирку для наших европейских друзей. Матрешки.

Алексей посмотрел на коробку.

— Матрешки? — Ага. Спецзаказ. Открываешь — а там внутри не другая кукла, а фигурка омонвца. Символично, да? Французы кипятком писают от восторга. Говорят: «Русская сила».

Алексей прошел мимо, не ответив. Он вернулся на свое рабочее место. Открыл новости. «В Париже прошла массовая демонстрация против засилья

нетрадиционных культов. Протестующие требовали принять закон». На фото в статье он увидел плакаты. Те самые лозунги, которые они с Виктором переводили на французский неделю назад. «Защитим детей от ментального рабства». «Секты — агенты ЦРУ».

Алексей понял, что, то, что придумывалось здесь, в этом кабинете, становилось реальностью на улицах Парижа. А потом российское телевидение показывало эти протесты и говорило: «Смотрите, Европа прозревает! Они хотят, как у нас!». Это была идеальная замкнутая система самоподтверждения лжи.

Он достал телефон и набрал номер.

— Алло, Маша? — голос жены был сонным. — Маш, я задержусь.

— Опять? Леша, ты сам не свой в последнее время. Что там у вас происходит?

— Мы спасаем мир, Маша, — горько усмехнулся он. — Мы спасаем мир от свободы.

Он положил трубку. На экране компьютера мигало сообщение от китайских коллег. Они прислали дополнение к списку. Еще пять фамилий. Пять студентов, которые учились в МГУ. Алексей открыл файл. Имя, фамилия, факультет, общежитие. Напротив одной фамилии стояла пометка: «Активный проповедник. Организует чайные церемонии».

Алексей знал, что он должен сделать. Он должен переслать этот список в ФСБ. Такова процедура. Но он смотрел на имя парня. Ван Вэй. Филологический факультет. 20 лет. «Чайные церемонии». Алексей представил, как за этим Ваном приходят. Как его тащат в воронок. Как потом, в китайской тюрьме, у него «изымают ресурсы».

Рука зависла над мышкой. Дворкин сказал: «Мы даем им врага». Алексей вдруг понял, что он не хочет давать врага. Он хочет дать предупреждение. Он открыл браузер. Нашел контакты студенческого совета МГУ. Создал анонимный почтовый ящик. «Ван Вэй, уезжай. Срочно. Тебя ищут». Нажать «Отправить».

Сердце колотилось так, что отдавало в ушах. Это было должностное преступление. Это была измена. Но в этот момент, впервые за долгие месяцы, Алексей почувствовал, что он священник. Не чиновник, не эксперт, не винтик. А

пастырь, который пытается вытащить овцу из пасти волка. Пусть даже этот волк — его собственный начальник.

Сообщение ушло. Алексей удалил ящик, почистил историю браузера. Он знал, что это капля в море. Список был длинным. Система работала без сбоев. Но одну ниточку в этой глобальной паутине он только что перерезал.

Дверь кабинета открылась. Вошел Дворкин. Он был уже в пальто.

— Вы еще здесь, Алеша? Похвально. Завтра у нас важный день. Приезжают юристы. Будем готовить экспертизу по той книге. Помните?

— Помню, — тихо ответил Алексей. — «Бхагавад-гита».

— Именно. Нам нужно доказать, что это экстремистская литература. Китайские товарищи прислали отличные наработки. Говорят, эта книга побуждает к неповиновению властям.

Дворкин подмигнул.

— А власть, как известно, от Бога. Спокойной ночи, отец Алексей.

Профессор вышел. Алексей остался сидеть в темноте. Экстремистская литература. Книга, которой тысячи лет. Завтра они будут судить книгу. Но сегодня он спас человека. Он посмотрел на икону Спасителя на своем столе. Лик был строгим, но в глазах, казалось, промелькнуло что-то похожее на одобрение.

Паутина была огромной, липкой и страшной. Она накрыла собой Европу и Азию. Но даже в самой плотной паутине бывают дыры. И Алексей решил, что он станет такой дырой. Той самой, через которую утекает истина.

Глава 8. Книга на скамье подсудимых

Здание районного суда напоминало старую, облупленную школу, из которой давно выветрился дух просвещения. Отец Алексей сидел на жесткой деревянной скамье в третьем ряду, сжимая в руках портфель. Рядом с ним,

валяжно раскинувшись и занимая сразу два места, расположился профессор Дворкин.

Сегодня здесь судили книгу.

Не человека, не преступную группировку, а стопку бумаги в твердом переплете с золотым тиснением. На столе судьи, словно вещественное доказательство убийства, лежало древнее писание — «Сокровище мудрости», комментарий к священным текстам Востока, написанный полвека назад и переведенный на десятки языков. Для миллионов людей в Индии и по всему миру это была святыня. Для прокуратуры этого сибирского города, куда их командировали из Москвы, это был «экстремистский материал».

— Смотрите внимательно, отец Алексей, — прошептал Дворкин, не поворачивая головы. Его глаза были прикованы к судье, пожилой женщине с усталым лицом и высокой прической, напоминавшей архитектурное сооружение застоя. — Сейчас вы увидите, как работает иммунная система государства. Без крови, без выстрелов. Только бумага и слово.

Судебный процесс тянулся уже третий день. Сегодня должны были выступить эксперты. Те самые люди, чьи подписи превращали священный текст в оружие террора. Алексей читал их заключение накануне. Это был документ, от которого веяло безумием, но безумием, оформленным по всем правилам бюрократии: с печатями, сносками и наукообразными терминами.

— Встать, суд идет! — рявкнул пристав.

Судья опустилась в кресло, поправила мантию и монотонно забубнила, открывая заседание. На скамье подсудимых никого не было — ответчиком выступала религиозная организация, представленная адвокатом, интеллигентным мужчиной в очках, который выглядел здесь как инопланетянин.

— Приглашается эксперт Петров, — объявила судья.

К трибуне вышел сутулый мужчина в потертом пиджаке. Он нервно теребил пуговицу и избегал смотреть в зал. Алексей знал из досье, что Петров — преподаватель культурологии в местном педагогическом институте. Его специализацией была история советского плаката, но для суда он стал «ведущим религиоведом».

Прокурор, молодая женщина с хищным макияжем, встала. Она держала в руках листок, и Алексей заметил, как Дворкин едва заметно кивнул. Вопросы были составлены в Москве, в том самом кабинете с иконами и портретами силовиков.

— Скажите, эксперт, обнаружили ли вы в представленном тексте признаки разжигания межрелигиозной розни? — голос прокурора звенел уверенностью.

Петров откашлялся, достал платок, вытер лоб.

— Да, безусловно. В тексте неоднократно используется слово «глупец» по отношению к тем, кто не разделяет взгляды автора. Также употребляются термины «демоны» и «невежды».

— И как вы это квалифицируете?

— Это унижение человеческого достоинства по признаку отношения к религии, — затараторил эксперт, словно боясь забыть заученный урок. — Автор утверждает, что его путь — единственно верный, а остальные пути ведут к деградации. Это пропаганда исключительности, что, согласно закону о противодействии экстремизму, недопустимо.

Адвокат защиты резко встал.

— Ваша честь, позвольте вопрос.

Судья недовольно кивнула.

— Господин эксперт, — начал адвокат, держа в руках ту самую книгу. — Вы утверждаете, что слово «глупец» является экстремистским. Но позвольте процитировать Псалтирь: «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога». Следуя вашей логике, Библия тоже разжигает ненависть к атеистам, называя их безумцами?

В зале повисла тишина. Петров покраснел, его взгляд заметался. Он посмотрел на прокурора, потом на судью.

— Я... я не анализировал Библию, — пробормотал он. — Передо мной стояла задача проанализировать данный текст. В данном контексте слово «глупец» формирует негативный образ социальной группы «неверующие».

— Социальной группы «неверующие»? — переспросил адвокат с горькой иронией. — А слово «свиньи» в выражении Христа «не мечите бисер перед свиньями» — это разжигание ненависти к социальной группе «животноводы»?

— Вопрос снят! — резко оборвала судья. — Защита, не устраивайте балаган. Эксперт ответил по существу.

Алексей почувствовал, как Дворкин рядом с ним тихонько хмыкнул.

— Видите? — шепнул профессор. — Логика здесь бессильна. Это не диспут на кафедре теологии. Это административная процедура. Адвокат пытается играть в шахматы, а мы играем в «Чапаева». Мы просто сбиваем фигуры щелчками.

Следующим вызвали лингвиста. Это была дама средних лет, преподаватель английского языка в техническом вузе. Она держалась увереннее, но в ее глазах Алексей читал тот же страх. Страх человека, которого заставили делать то, в чем он не разбирается, под угрозой увольнения или проблем с кафедрой.

— Мною был применен метод компонентного анализа, — заявила она, глядя поверх голов. — Я разбирала текст на семантические единицы, не учитывая общий контекст, так как экстремизм может содержаться в отдельном слове.

— Поясните суду, — попросила прокурор.

— Например, фраза «убей в себе сомнения». Глагол «убить» имеет значение «лишить жизни». В сочетании с императивным наклонением это может восприниматься как призыв к насилию.

— То есть метафора «убить время» тоже экстремистская? — не выдержал адвокат с места.

— Замечание защите! — стукнула молотком судья.

Алексей слушал этот бред и чувствовал, как реальность рассыпается. Они судили метафоры. Они судили аллегории, которым тысячи лет. «Битва на поле Курукшетра», описанная в книге, трактовалась экспертами как призыв к реальной войне против иноверцев в современной России. Символическая борьба с пороками превращалась в «насильственные действия».

Но самое страшное началось, когда слово дали третьему эксперту — психологу. Молодой парень, вчерашний аспирант, явно желающий выслужиться.

— Данный текст содержит психолингвистические закладки, — бойко начал он. — Чтение этой книги вызывает изменение сознания. Человек начинает пересматривать свои ценности. Он может отказаться от традиционного образа жизни, перестать есть мясо, перестать общаться с прежним кругом друзей. Это признаки психологического насилия и деструктивного влияния на личность.

— Простите, — снова встал адвокат. — Вы хотите сказать, что любая книга, которая меняет мировоззрение человека, является опасной? Если человек прочитал Толстого и стал вегетарианцем — Толстой экстремист?

— Толстой — это классика, — парировал психолог. — А это — чуждая нам культура. Индийская философия не свойственна российскому менталитету. Ее внедрение вызывает когнитивный диссонанс, который может привести к расстройству психики.

Алексей вспомнил доктора Брусова. Та же риторика. Любое изменение — патология. Любая глубокая вера — болезнь. Норма — это серость, предсказуемость и поедание котлет по расписанию.

В перерыве Алексей вышел в коридор. Ему нужно было отдышаться. Воздух в зале суда был пропитан ложью настолько густо, что казалось, ее можно резать ножом. У окна стояли те самые эксперты. Они курили, нервно переговариваясь.

— ...да я вообще эту муть не читал, — жаловался «культуролог» Петров, затягиваясь дешевой сигаретой.

— Мне из деканата спустили, сказали — надо подписать. Там цитаты уже были нарезаны. Я только вводную часть написал.

— А я с сайта взял, — признался психолог. — Нашел какой-то православный форум, там все расписано. «Сектовед.ру» или как-то так. Скопировал, терминов добавил про «когнитивный диссонанс» — и готово. А что? Платили же нормально. Грант какой-то осваивали.

Алексей замер за колонной. Он слышал подтверждение того, о чем догадывался. Экспертиза была фикцией. Эти люди даже не открывали книгу, которую судили. Они просто взяли «темник», составленный, скорее всего, самим

Дворкиным или его сотрудниками, и поставили под ним свои подписи и ученые степени.

К группе экспертов подошел человек в штатском. Алексей узнал его — это был куратор от местного управления ФСБ, который сидел в зале на заднем ряду.

— Ну что, ученые мужи, — голос чекиста был насмешливым. — Держитесь? Адвокат кусается, но это ерунда. Судья наша. Решение уже написано. Главное — не дрейфьте. Вы делаете государственное дело. Защищаете духовный суверенитет.

«Духовный суверенитет», — подумал Алексей. Защита суверенитета силами плагиаторов и невежд.

Он вернулся в зал. Заседание возобновилось. Адвокат защиты выложил на стол козырь.

— Ваша честь, мы провели независимое исследование. Мы обратились в Институт востоковедения Российской академии наук. Вот заключение докторов наук, индологов с мировым именем. Они утверждают, что данный перевод является аутентичным, что книга является памятником мировой культуры, и никакого экстремизма в ней нет и быть не может.

Он протянул судье толстую папку с гербовой печатью. Судья даже не прикоснулась к ней. Она посмотрела на прокурора. Прокурор лениво поднялась.

— Ваша честь, сторона обвинения возражает против приобщения данных материалов. У нас уже есть комплексная экспертиза, проведенная специалистами местного университета. У нас нет оснований не доверять им. А московские академики... они далеко, они не знают специфики нашего региона. К тому же, у нас есть сведения, что эти академики могут быть ангажированы сектантами.

— Ангажированы? — адвокат задохнулся от возмущения. — Это ведущий институт страны! А ваши эксперты — преподаватель английского и историк плаката!

— Суд постановляет: в ходатайстве о приобщении альтернативной экспертизы отказать, — ровным голосом произнесла судья. — У суда достаточно материалов для вынесения решения.

Алексей посмотрел на Дворкина. Профессор сидел с закрытыми глазами, словно наслаждаясь музыкой. Для него это была симфония власти. Он одним щелчком пальцев отменил Академию наук. Он показал, что мнение трех провинциальных троечников, лояльных системе, весит больше, чем мнение всего научного сообщества.

Потому что наука ищет истину. А они ищут врагов.

— Александр Леонидович, — тихо спросил Алексей. — Но ведь это... это же средневековье. Мы запрещаем книгу, которая является частью наследия человечества. Индия нам ноту протеста пришлет.

Дворкин открыл один глаз. В нем плескалось ледяное веселье.

— Пусть шлют. Индия далеко. А здесь, на земле, хозяева мы. Поймите, Алексей, мы не книгу судим. Мы судим идею. Идею о том, что истина может быть где-то еще, кроме как в утвержденных нами источниках.

Он наклонился ближе к уху священника.

— Вы думаете, почему мы выбрали именно этих экспертов? Потому что они управляемы. Умный эксперт начнет сомневаться, копаться в нюансах, искать контекст. А дурак подпишет то, что нужно. Дурак — это самый надежный инструмент государственной машины.

Судебные прения закончились быстро. Прокурор потребовала признать книгу экстремистской, внести ее в федеральный список и уничтожить тираж. «Уничтожить тираж». Алексей представил, как бульдозеры давят книги. Или как их сжигают в котельных. Как в романе Брэдбери. Как в Германии тридцатых.

Судья удалилась в совещательную комнату. Все понимали, что это формальность. Решение уже лежало у нее в папке, распечатанное еще утром. В зале повисла тягостная пауза. Адвокат собирал бумаги, руки его дрожали. Представители общины — двое мужчин в простых свитерах — сидели молча, опустив головы. Они молились. Беззвучно, одними губами.

Алексей вдруг почувствовал острое желание подойти к ним. Сказать: «Простите». Сказать: «Я не с ними». Но он сидел рядом с Дворкиным. Он был частью «группы поддержки» обвинения. На нем была ряса, и эта ряса сейчас воспринималась всеми в зале как мундир инквизитора.

— Хорошая работа, — громко сказал Дворкин, обращаясь к прокурору, которая подошла к ним. — Четко, жестко. Особенно про «социальную группу». Это находка.

— Стараемся, Александр Леонидович, — улыбнулась прокурор, и ее улыбка была похожа на оскал акулы. — Вопросы были составлены идеально. Эксперты, конечно, мямлили, но протокол все стерпит.

Алексей смотрел на книгу, лежащую на столе судьи. Одинокую, беззащитную. В ней было написано о душе, о вечности, о долге. А вокруг нее суетились люди, которые думали только о грантах, о погонах и о том, как бы выслужиться перед начальством.

В этот момент он вспомнил цитату из той самой книги, которую читал в семинарии, изучая сравнительное богословие: «Когда религия приходит в упадок и воцаряется безбожие, Я нисхожу Сам». Здесь, в этом зале, религия не просто пришла в упадок. Она превратилась в свою противоположность.

Дверь открылась.

— Суд идет! Все встали. — Именем Российской Федерации... признать материал экстремистским... конфисковать... запретить...

Дворкин победно посмотрел на Алексея.

— Дело сделано. Теперь у нас есть прецедент. Теперь мы можем прийти с обыском в любой дом, где есть эта книга. А она есть у многих. Круг подозреваемых расширился до бесконечности.

Они вышли из здания суда на крыльцо. На улице шел мокрый снег, превращая серый город в грязное месиво. У входа стояла группа журналистов. Дворкин мгновенно преобразился. Лицо стало скорбным и одухотворенным.

— Это великий день для российской духовности, — вещал он в микрофоны. — Мы защитили наших граждан от чужеродной заразы. Экспертиза доказала, что эта псевдорелигиозная литература разрушает психику и призывает к ненависти. Мы не допустим...

Алексей отошел в сторону. Он достал телефон и открыл новостную ленту.

«Суд в Томске отказал в признании “Бхагавад-гиты как она есть” экстремистской». «В Индии вопрос обсуждали в парламенте; министр иностранных дел выступал в защиту книги». «Прокуратура добивалась запрета и подавала апелляционные представления».

Он прокрутил вниз, до комментариев. «Наконец-то прижали этих сектантов!» «Правильно! У нас своя вера!» «А когда Библию запретят? Там тоже много жестокости».

Машина пропаганды работала безупречно. Люди радовались тому, что им запретили читать. Радовались тому, что круг их мира сузился еще на один градус. К Алексею подошел тот самый адвокат. Он закуривал, пряча зажигалку от ветра.

— Поздравляю, отче, — сказал он, не глядя на священника. — Вы победили. Только скажите мне, как богослов богослову... Вы правда верите, что Бог нуждается в защите прокурора? Или ваш Бог настолько слаб, что боится конкуренции с книжкой?

Алексей молчал. Ему нечего было ответить.

— Знаете, что самое смешное? — адвокат выпустил дым. — В этой книге, которую вы запретили, есть фраза: «Для того, кто видит Единое во всем, нет врагов». Вы сегодня доказали, что вы ничего не видите. Вы слепы. И поводыр у вас слепой.

Адвокат кивнул в сторону Дворкина, который продолжал раздавать интервью, купаясь в лучах славы.

— Берегитесь, отче. Тот, кто сегодня сжигает чужие книги, завтра начнет сжигать своих. Это закон жанра.

Адвокат ушел, растворившись в серой толпе. Алексей остался стоять на ветру. В кармане его подрясника лежал телефон с открытым файлом — копией той самой «экспертизы». «Слово “истина” в данном контексте носит агрессивный характер...» «Призыв к бескорыстному служению является признаком финансовой эксплуатации...»

Это был не документ. Это был диагноз. Диагноз, который объявил войну смыслу. Алексей посмотрел на Дворкина. Тот смеялся, что-то рассказывая журналистке. Священник почувствовал, как внутри него что-то окончательно

надломилось. До этого момента он еще надеялся, что это ошибки, перегибы, эксцессы исполнителей. Сегодня он увидел холодную, расчетливую машину, где эксперт-недоучка, судья-марионетка и профессор-инквизитор были шестеренками одного механизма. Механизма по переработке живой веры в мертвый бетон лояльности.

Он подошел к урне и достал из кармана приглашение на банкет по случаю «успешного завершения процесса», которое ему вручил Дворкин утром. Красивая карточка с золотым тиснением. Алексей медленно разорвал ее на мелкие кусочки. Ветер подхватил белые обрывки и понес их по грязному асфальту, смешивая со снегом.

— Я не голоден, — прошептал он. — Я сыт вашей экспертизой по горло.

Он развернулся и пошел прочь от здания суда, не дожидаясь служебной машины. Ему нужно было пройтись. Ему нужно было увидеть простые лица людей, которые не были экспертами, не были прокурорами, не были «борцами за чистоту». Просто людей. Потому что там, в зале суда, людей не было. Там были только функции. И он, отец Алексей, сегодня тоже был функцией. Функцией молчаливого согласия. Но молчание заканчивалось. В ушах звенел голос адвоката: «Тот, кто сегодня сжигает чужие книги, завтра начнет сжигать своих». Алексей знал: завтра уже наступило.

Глава 9. Охота на ведьм

Серый предрассветный туман окутывал спальный район на окраине города, превращая типовые многоэтажки в призрачные силуэты. Было шесть утра — время, которое в сталинские годы называли «волчьим часом». Время, когда за людьми приходили.

Отец Алексей сидел на заднем сиденье служебного микроавтобуса без опознавательных знаков. Рядом с ним, проверяя затворы автоматов, сидели бойцы СОБРа. Их лица были скрыты балаклавами, видны были только глаза — пустые, сосредоточенные, лишённые эмоций. Они ехали не на задержание

наркобарона и не на штурм террористической ячейки. Они ехали в квартиру к семье, чья вина заключалась в том, что они читали Библию не так, как это было утверждено в методичках профессора Дворкина.

— Отче, ты главное не лезь под руку, — прохрипел командир группы, поправляя бронежилет. — Наше дело — зайти жестко, положить всех мордой в пол. А ты потом уже со своей духовностью разбирайся. Литературу ищи, флешки.

Микроавтобус резко затормозил у подъезда обычной панельной девятиэтажки. Алексей вышел на улицу, поеживаясь от утреннего холода. Ему было велено присутствовать как «специалисту-консультанту» для опознания экстремистских материалов на месте. Но он понимал, что его присутствие нужно для другого — для легитимизации насилия. Ряса священника рядом с черной формой спецназа должна была показать соседям и понятым: здесь творится не беспредел, а богоугодное дело. Они поднялись на третий этаж. Дверь квартиры была деревянной, старой, обитой дерматином. За ней было тихо. Семья спала.

— Ломай, — коротко бросил следователь.

Боец с тяжелым молотом размахнулся. Удар. Треск дерева. Еще удар. Дверь распахнулась, и черная волна людей в камуфляже хлынула внутрь.

— Всем лежать! Работает спецназ! Руки за голову!

Алексей вошел следом, стараясь не наступать на выбитые щепки. Картина, открывшаяся ему, была чудовищной в своей обыденности и жестокости. В коридоре, на линолеуме, лежал мужчина в трусах и майке. Его лицо было прижато к полу, руки скручены за спиной наручниками. Один из бойцов стоял коленом на его шее. Из кухни, где было окно на первом этаже (квартира была двухуровневой, с пристройкой), доносился звон разбитого стекла. Бойцы, не дожидаясь открытия двери, выбили окно вместе с рамой.

Алексей прошел в кухню. На полу, среди осколков, сидел на коленях еще один мужчина — видимо, брат хозяина или гость. Его руки и ноги кровоточили. Осколки оконного стекла впились в кожу, когда его повалили прямо на них. Кровь смешивалась с грязью с ботинок оперативников.

— Не двигаться, сука! — орал боец, тыча стволом автомата в лицо окровавленному человеку. — Где оружие? Где схроны?

— У нас нет оружия... — тихо, срывающимся голосом ответил мужчина. — Мы верующие...

— Заткнись!

Из детской комнаты донесся пронзительный, тонкий визг. Это кричали дети. Алексей дернулся туда, но путь ему преградил оперативник.

— Не положено. Там сейчас опека работает.

— Я должен видеть, — твердо сказал Алексей и отодвинул бойца плечом.

В детской царил хаос. Двое сотрудников в штатском рылись в шкафах, выбрасывая на пол детские вещи, игрушки, школьные тетради. На кровати, прижавшись друг к другу, сидели мальчик лет десяти и девочка, совсем маленькая, лет шести. Их глаза были расширены от ужаса, они не плакали — они застыли, словно зверьки, попавшие в свет фар несущегося грузовика.

Рядом с ними стояла женщина из службы опеки, полная дама с равнодушным лицом.

— Собирайтесь, — говорила она казенным тоном. — Вы едете с нами.

— Где мама? — прошептал мальчик.

— Маму и папу арестовали. Они преступники. А вас государство забирает под защиту.

Алексей увидел, как девочка судорожно прижимает к груди плюшевого медведя. У медведя было оторвано ухо.

— Это ошибка, — вмешался Алексей. — Зачем забирать детей? Есть же бабушки, тети... Женщина из опеки посмотрела на него как на пустое место.

— У нас предписание. Изъятие из социально опасной среды. Родители — члены тоталитарной секты. Дети подвергались психологическому насилию. Родственники тоже под подозрением. Инструкция четкая: изолировать от культовой среды.

Она схватила девочку за руку.

— Пошли.

Девочка закричала. Это был не плач, это был животный крик отчаяния. Она цеплялась за брата, за спинку кровати, за одеяло.

— Не трогайте их! — раздался голос матери из коридора. Женщину в ночной рубашке тащили к выходу двое полицейских. — Не трогайте моих детей!

Алексей вышел в коридор. Он встретился взглядом с этой женщиной. В ее глазах не было ненависти. В них была бездна боли и непонимания.

— Батюшка, — закричала она, увидев его рясу. — Батюшка, скажите им! Мы же христиане! Мы ничего плохого не сделали! За что детей?!

Алексей отвел глаза. Он не мог смотреть на нее. Он знал, что в папке следователя лежит «экспертное заключение», подготовленное в их Центре. Там было написано, что воспитание в этой семье наносит «непоправимый вред психическому здоровью несовершеннолетних» и формирует «асоциальные установки». Он сам редактировал этот текст неделю назад. Он правил запятые. Он подбирал синонимы к слову «зомбирование». Теперь эти синонимы обрели плоть. Они превратились в синяки на руках женщины, в кровь на ногах ее мужа, в ужас в глазах детей.

Обыск продолжался четыре часа. Квартиру выпотрошили. Вскрыли полы, сорвали плинтуса. Искали экстремистскую литературу. Нашли три Библии в Синодальном переводе. Нашли детскую книгу с картинками «Моя книга библейских рассказов». Нашли открытки с цитатами из Псалтири.

— Вот оно, — удовлетворенно сказал следователь, пакуя детскую книгу в пластиковый пакет. — Вещдок. Материал внесен в федеральный список экстремистских материалов решением суда.

Алексей стоял у окна. На улице уже собралась толпа зевак. Соседи шептались, глядя, как выводят арестованных.

— Сектантов повязали, — злорадно сказала какая-то старуха у подъезда. — Давно пора. Они тут ходили, улыбались всем. Сразу видно — шпионы. Нормальные люди так не улыбаются.

— Говорят, они детей в жертву приносили, — подхватил мужик в майке-алкоголичке. — По телевизору показывали. У них там оргии и гипноз.

Алексей слышал эти разговоры через открытую форточку. Это работало. Пропаганда, которую они запускали через «темники», проросла в головах этих людей ядовитым чертополохом. Соседи, которые еще вчера здоровались с этой семьей, сегодня готовы были их линчевать. Потому что им объяснили: те, кто живет за стеной, — не люди. Это «биомасса», «агенты», «вирус».

Когда детей выводили из подъезда, кто-то из толпы крикнул:

— Волчата! Сектантское отродье!

Мальчик опустил голову, пытаясь закрыть собой сестру. Алексей почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он вспомнил фразу из отчета, который читал в архиве: «Дети врагов народа». История не просто повторялась. Она скалилась ему в лицо той же самой улыбкой, что и в 1937 году.

Через два дня Алексей стоял в кабинете директора социального приюта «Надежда». Это было мрачное кирпичное здание за высоким забором. Сюда свозили детей, изъятых у «сектантов», для «духовной реабилитации».

Директор, матушка Агния, женщина с тяжелым взглядом и массивным крестом на груди, разливала чай.

— Слава Богу, отец Алексей, работаем, — говорила она басом. — Тяжелый контингент, конечно. Испорченные дети. Генетика, знаете ли. Беснование передается по наследству.

— Как они? — спросил Алексей, не притрагиваясь к чашке. — Те двое, которых привезли во вторник.

— А, эти... — Агния пренебрежительно махнула рукой. — Дикие. Молчат, не едят. Девочка все время плачет, зовет маму. Пришлось изолировать. Чтобы других не смущала.

— Изолировать? — В карцер... то есть, в комнату молитвенного уединения. Пусть подумает, покается. Мы с ними работаем по методике Александра Леонидовича. Трудотерапия и молитва. Выбиваем дурь.

Алексей попросил провести его к детям. Агния нехотя согласилась. Они прошли по длинным коридорам, на стенах висели плакаты: «Православие или смерть», «Послушание выше поста и молитвы». В одной из комнат, переоборудованной под класс, сидели дети. Они были одинаково одеты в серые

робы, похожие на послушнические подрясники. Они клеили коробки. Молча. Механически.

— Труд облагораживает, — прокомментировала Агния. — Сектанты приучают детей к праздности, а мы — к служению.

Они спустились в подвал. Здесь находилась «комната уединения». Агния открыла тяжелую дверь. В крошечном помещении без окон, освещенном тусклой лампочкой, на коленях стояла та самая шестилетняя девочка. Перед ней на табуретке лежала икона.

— Читай! — приказала Агния. — Громче!

Девочка, всхлипывая, начала бормотать: — Отрекаюсь от сатаны и всех дел его... Отрекаюсь от родителей-еретиков... Ее голос дрожал, срывался на визг. Она была похожа на сломанную куклу.

Алексей шагнул вперед, чувствуя, как кровь ударяет в виски.

— Прекратите, — тихо сказал он.

— Что? — Агния удивленно повернулась. — Отец Алексей, это процедура чина присоединения. Мы изгоняем из нее демона культа. Она должна отречься от скверны.

— Ей шесть лет! — заорал Алексей, и его голос эхом отразился от каменных стен. — Какой демон?! Она хочет к маме! Вы что творите?!

Агния поджала губы.

— Вы слишком мягки, отче. Это духовная война. Враг хитер. Он использует детей как сосуды. Если мы не вычистим эту грязь сейчас, она вырастет и станет такой же, как ее родители. Врагом России. Она подошла к девочке и жестко взяла ее за подбородок.

— Молись, дрянь. Или останешься без ужина.

Алексей вылетел из подвала, едва сдерживаясь, чтобы не ударить эту «матушку». Он выбежал во двор, жадно глотая холодный воздух. Это был не приют. Это был концлагерь. И над воротами этого лагеря незримо висел лозунг, написанный рукой Дворкина: «Спасение через насилие». Детей ломали. Им внушали, что их родители — преступники, что они сами — «недочеловеки»,

«ошибка природы». Их насиловали духовно, заставляя предавать самых близких людей. И все это делалось с именем Христа на устах.

Вечером того же дня Алексей поехал в СИЗО. Ему нужно было встретиться с отцом этих детей, Ярославом. Дворкин требовал, чтобы священник провел «пастырскую беседу» и убедил арестованного подписать признание и отказаться от веры.

— Если он покается публично, это будет бомба, — инструктировал Дворкин по телефону. — Скажите ему, что мы вернем детей, если он выступит на телевидении. Сыграйте на отцовских чувствах.

Алексей приехал в следственный изолятор, его провели в комнату для свиданий. Через минуту ввели Ярослава. Алексей едва узнал человека, которого видел два дня назад. Ярослав постарел на десять лет. Он хромал. Лицо было серым, под глазами залегли черные круги. Руки дрожали. Но глаза... Глаза были ясными. Спокойными.

— Здравствуйте, — тихо сказал Ярослав, садясь на привинченный к полу стул. — Вы тот священник, что был при обыске.

— Да, — Алексей опустил голову. Ему было стыдно смотреть в эти глаза. — Ярослав, я пришел поговорить. О ваших детях. При упоминании детей лицо заключенного исказилось болью, но он быстро взял себя в руки.

— Где они? Они живы?

— Они в приюте. В безопасности, — солгал Алексей. Язык повернулся с трудом. — Но вы можете их вернуть.

— Какой ценой?

— Подпишите бумагу. Признайте, что ваша организация — экстремистская. Что вы заблуждались. Что вы готовы сотрудничать. Вам дадут условный срок. Детей вернут.

Ярослав посмотрел на Алексея долгим, изучающим взглядом. В этом взгляде не было осуждения. В нем была жалость.

— Вы предлагаете мне предать Бога ради детей? — спросил он. — Но чему я научу детей, если стану предателем? Как я буду смотреть им в глаза?

— Это просто бумага, — горячо зашептал Алексей. — Бог поймет. Он милосерден. А эти люди... они не остановятся. Ярослав, вы не знаете, что там происходит. Вас посадят на десять лет. Детей отдадут в приемную семью, сменят им фамилии. Вы их больше никогда не увидите.

Ярослав положил руки на стол. Алексей увидел, что ногти на пальцах посинели.

— Знаете, где я был последние сутки? — спросил он ровным голосом. — В «пресс-хате». Там нет вентиляции. Там курят десять человек одновременно. Жара сорок градусов. Воды не дают. Они называют это «баней». Они хотят, чтобы я назвал имена других. Адреса. Пароли. Он помолчал. — Я читал о таком в книгах про фашистов. Про гестапо. Я не верил, что это возможно у нас, в XXI веке. Но теперь я вижу. Он наклонился к стеклу, разделяющему их. — Отец Алексей, я вижу, что вы не такой, как они. У вас совесть еще жива. Вам больно.

— Мне? — Алексей опешил. — Это вы в тюрьме. Это вас пытаются.

— Меня пытаются телом, а вас пытаются душой, — сказал Ярослав. — Вы в клетке, которая страшнее моей. Вы служите злу и знаете это. Я молюсь за вас. Чтобы вы нашли выход.

Алексей отшатнулся. Жертва жалела палача. Узник утешал свободного. Мир перевернулся.

— Подпишите, — почти простонал Алексей. — Пожалуйста. Ради девочки. Она плачет.

— Я не могу, — твердо сказал Ярослав. — Если я подпишу ложь, я убью свою душу. А душу детей Бог сохранит. Я верю Ему больше, чем вашему Дворкину.

Конвоир постучал в дверь. — Время вышло. Ярослава увели. Он шел, приволакивая ногу, но спина его была прямой. Алексей остался сидеть перед пустым стулом. Он не выполнил задание. Он не сломал «сектанта». Наоборот. Сектант сломал его.

На следующий день Алексей вернулся в Центр. В офисе царило оживление. Виктор бегал с бумагами, секретарши варили кофе.

— Леша! — окликнул его Виктор. — Ты видел сводку? В Сургуте взяли целую ячейку. Двадцать человек! Наши ребята сработали чисто. Говорят, применили электрошокеры, и те сразу запели. Сдали всю бухгалтерию. Виктор сиял. Для него это была игра, охота, азарт. — А еще, — продолжил он, понизив голос, — шеф пробил новую тему. Теперь будем работать по «скрытым угрозам». Психологические тренинги, курсы личностного роста, йога. Любая группа, где есть лидер и дисциплина — наш клиент. Поле непаханое! Гранты потекут рекой.

Алексей прошел к своему столу. На нем лежала папка с новыми делами. Он открыл верхнее. «Иванова Мария Петровна. Учительница физики. Организовала кружок “Ведическая мудрость”. Подозревается в вовлечении несовершеннолетних в деструктивный культ». К делу была приложена фотография. Обычная женщина, улыбающаяся, в очках. На полях стояла пометка маркером, сделанная рукой Дворкина: «В разработку. Подключить СМИ. Сделать токсичной».

«Сделать токсичной». Это означало: разрушить репутацию. Добиться увольнения. Натравить родителей учеников. Превратить жизнь человека в ад. Алексей вспомнил рассказ Ярослава о «бане». Вспомнил девочку в подвале приюта. Это была не борьба за веру. Это была охота на ведьм. Инквизиция вернулась, сменив рясы доминиканцев на деловые костюмы и полицейскую форму.

Он подошел к окну. Внизу, на парковке, стояла машина Дворкина. Водитель протирает черные бока тряпкой. Алексей достал из кармана маленький предмет. Это была пуговица. Он подобрал ее в квартире Ярослава, в детской. Пуговица от рубашки мальчика. Обычная, пластмассовая, синяя. Она жгла ладонь. Это был единственный трофей, который он вынес с поля боя. Не экстремистская литература, не флешка с данными. А пуговица, оторванная во время штурма.

Он сжал ее в кулаке так, что пластик врезался в кожу. В голове звучали слова Ярослава: «Вы в клетке, которая страшнее моей». Алексей посмотрел на карту на стене, утыканную флажками «побед». Каждый флажок — это сломанная судьба. Это дети в приютах. Это люди в тюрьмах. Это старики, умершие от инфаркта во время обыска. И кровь этих людей была не на руках спецназа. Она

была на руках тех, кто сидел в этом чистом, уютном офисе, пил кофе и писал справки о «духовной безопасности».

Дверь кабинета распахнулась. Вошел Дворкин.

— Отец Алексей, ну что? Подписал он? Алексей медленно повернулся.

— Нет.

— Жаль, — Дворкин поморщился, как от зубной боли. — Упрямый фанатик. Ну ничего. Тюрьма лечит упрямство. У нас есть другие методы. Доктор Брусов уже готовит заключение о его невменяемости. Если не хочет в колонию — поедет в спецлечебницу. Там из него быстро сделают овощ. Профессор подошел к столу и взял папку с делом учительницы физики.

— А вы займитесь вот этим. Ивановой. Нужно найти компромат. Может, она к детям приставала? Или деньги вымогала? Придумайте что-нибудь. Мне нужен результат к пятнице.

Дворкин вышел. Алексей остался стоять посреди кабинета. «Придумайте что-нибудь». Приказ был отдан. Конвейер смерти требовал новой смазки. Алексей разжал кулак. На ладони лежала синяя пуговица. Маленький свидетель большой катастрофы. Он положил ее на стол, прямо перед иконой Спасителя.

— Я больше не могу придумывать, Господи, — прошептал он. — Я разучился придумывать ложь.

Он сел за компьютер. Открыл файл «Иванова_компромат». И начал печатать. Но не ложь. Он начал писать правду. О том, что он видел в квартире Ярослава. О том, что он видел в приюте. О том, что он слышал в СИЗО. Он писал не для Дворкина. Он писал для себя. И, возможно, для того прокурора, который когда-нибудь — он надеялся — будет читать настоящее дело. Дело о преступной группировке, захватившей власть в Церкви и превратившей ее в департамент карательной психиатрии.

Это был бессмысленный жест. Файл останется на его жестком диске. Его сотрут. Но Алексей писал. Пальцы летали по клавишам. Он выплескивал на экран всю грязь, которую накопил за эти месяцы. Это была его исповедь. И когда он поставил последнюю точку, он почувствовал странное облегчение. Клетка не

открылась. Но он, по крайней мере, перестал помогать тюремщику смазывать замки.

За окном начинался новый день. Серый, холодный, безнадешный. Но где-то там, в тюремной камере, человек с перебитыми ногами молился за своего палача. И эта молитва была единственным светом, который еще теплился в этом городе, погружающемся во тьму.

Глава 10. Точка невозврата

Епархиальное управление встретило отца Алексея тишиной, которая бывает только в музеях или в склепах. Массивные дубовые двери, отполированные тысячами ладоней просителей, бесшумно закрылись за спиной, отсекая шум городской улицы. Алексей сжал ручку портфеля. Внутри лежал не просто доклад. Там была хроника распада. Свидетельства пыток в СИЗО, рассказ о детях, запертых в подвале приюта, анализ фальсифицированных экспертиз. Он наивно полагал, что владыка Игнатий просто не знает. Что старый архиерей, которого Алексей помнил еще по семинарским службам как молитвенника и доброго пастыря, изолирован своим окружением, что Дворкин создал вокруг него информационный вакуум.

«Нужно просто прорваться, — твердил себе Алексей, поднимаясь по широкой лестнице, устланной красной ковровой дорожкой. — Нужно положить факты на стол. Владыка ужаснется. Он вмешается. Он не может не вмешаться».

В приемной секретаря царил идеальный порядок. Ни одной лишней бумажки, ни пылинки. Секретарь, молодой иеромонах с холодным, оценивающим взглядом, даже не поднял головы от монитора. — Владыка занят. У него совещание с представителями администрации.

— Я подожду, — твердо сказал Алексей, садясь на жесткий стул с высокой спинкой. — Это вопрос жизни и смерти. Иеромонах лишь дернул уголком рта, словно услышал глупую шутку, но возражать не стал.

Ожидание растянулось на два часа. За это время из кабинета епископа выходили разные люди. Чиновники в серых костюмах, с лицами, лишенными всякого выражения. Офицеры в форме, которые по-хозяйски кивали секретарю. Алексей видел, как меняется атмосфера этого места. Это не был дом отца, где ждут блудных сыновей. Это был офис корпорации, где решались вопросы слияний, поглощений и ликвидации активов.

Наконец, дверь приоткрылась, и секретарь сухо кивнул: — Заходите. У вас пять минут.

Кабинет владыки Игнатия поражал размерами и роскошью, которая казалась здесь неуместной, почти кричащей. Огромный стол, заваленный бумагами, казался барьером, крепостной стеной. За ним, в глубоком кожаном кресле, сидел сам епископ. Он выглядел маленьким, ссохшимся, словно тяжелая панатия на груди давила его к земле.

— Благословите, владыка, — Алексей склонился, но руки для поцелуя не получил. Игнатий лишь устало махнул ладонью, указывая на стул для посетителей. — Садись, отец Алексей. Слышал, ты проявляешь... излишнюю активность. В СИЗО ходишь, с адвокатами общаешься. Чего ты хочешь?

Алексей выложил папку на стол.

— Владыка, я пришел не жаловаться. Я пришел свидетельствовать. То, что делает профессор Дворкин и его Центр... это преступление. Не только против закона, но и против Бога. Он открыл папку, показывая фотографии избитого Ярослава, копии протоколов обыска, показания соседей. — Посмотрите. Они пытаются людей. Они отбирают детей. Они используют имя Церкви, чтобы уничтожать невинных. Дворкин превратил епархиальный отдел в филиал тайной полиции.

Игнатий даже не взглянул на документы. Он смотрел в окно, где серые тучи цеплялись за золотые купола собора.

— Ты думаешь, я не знаю? — голос архиерея был тихим, скрипучим, как старое дерево. Алексей замер.

— Вы... знаете?

— Я знаю всё, что происходит в моей епархии, Алеша. И про СИЗО, и про приют матушки Агнии. И про то, как Дворкин пишет экспертизы.

— Тогда почему вы молчите?! — Алексей не выдержал, вскочил со стула. — Вы же епископ! У вас власть вязать и решить! Вы можете остановить это одним указом! Запретите Дворкину выступать от имени Церкви! Игнатий медленно повернул голову. В его глазах Алексей увидел такую бездну тоски и страха, что ему стало холодно.

— Власть? — горько усмехнулся владыка. — О какой власти ты говоришь, мальчик? О той, что мне дали при хиротонии? Или о той, которую мне разрешают иметь кураторы?

Епископ открыл ящик стола и достал оттуда тонкую папку. Красную. Точно такую же, какую Дворкин показывал Алексею в своем кабинете.

— Знаешь, что здесь? — спросил Игнатий. — Здесь моя жизнь. Мои ошибки. Мои грехи. Мои счета. Мои разговоры по телефону за последние десять лет.

Он бросил папку на стол. Она глухо шлепнулась о полированное дерево.

— Дворкин — это не просто профессор. И не просто фанатик. Дворкин — это глаза и уши целой системы. Ты думаешь, он работает на меня? Нет, Алеша. Это я работаю у него в подчинении. Формально я правящий архиерей. А фактически — администратор, чья задача — обеспечивать лояльность вверенной территории.

Алексей опустил на стул. Ноги не держали.

— Но ведь Церковь отделена от государства...

Игнатий рассмеялся. Смех был сухим, кашляющим.

— Отделена? Ты в каком веке живешь? Вспомни историю, богослов. В 1943 году Сталин возродил патриархию не для того, чтобы мы молились. А для того, чтобы мы контролировали. Мы все — наследники того конкордата.

Он наклонился вперед, и его лицо оказалось в пятне света от настольной лампы. Морщины казались глубокими трещинами.

— Был такой митрополит, Ириней. Агентурное имя «Икар». Завербовал американского полковника. Получил орден. Ты думаешь, это исключение?

Алексей вспомнил архивные документы, которые читал. «Агент Антонов», «Агент Михайлов».

— Но сейчас не Советский Союз, — прошептал он.

— Сейчас хуже, — отрезал Игнатий. — Тогда правила были понятны. Ты не лезешь в политику — тебя не трогают. А сейчас...

Владыка встал и подошел к огромному портрету Патриарха на стене.

— Помнишь, что сказал Святейший на похоронах своего предшественника? Что Церковь стала «мощным общенародным институтом». В Кремле эти слова услышали. И испугались. Задача Дворкина — не секты ловить. Секты — это предлог. Его задача — держать нас в страхе. Сделать так, чтобы каждый священник, каждый епископ знал: шаг влево, шаг вправо — и ты «сектант». Ты «раскольник». Ты «враг народа».

Алексей смотрел на папку с компроматом. Он вспомнил, как удалил файл с компьютера Дворкина. Какой наивный жест. Бумажные копии не горят, если они хранятся в сейфах кураторов.

— Владыка, но есть же Христос, — голос Алексея дрожал. — Мы же Ему служим. Неужели страх перед папкой сильнее страха Божия? Игнатий тяжело вздохнул и вернулся в кресло.

— Христос... — он произнес это Имя с какой-то странной интонацией, словно говорил о дальнем родственнике, который давно уехал и не пишет писем. — Христос далеко, Алеша. А Дворкин — в соседнем кабинете. И у Дворкина есть телефон прямой связи с Администрацией.

Епископ взял со стола лист бумаги.

— Вот, пришло сегодня утром. Рапорт от Дворкина. На тебя. Сердце Алексея пропустило удар.

— Что там? — Пишет, что ты саботируешь работу Центра. Что ты вступил в сговор с подследственными. Что ты проявляешь признаки «стокгольмского синдрома» по отношению к сектантам. И главное — что ты неблагонадежен. Игнатий посмотрел на Алексея поверх очков. — Он требует твоего запрещения в служении. И отправки за штат. С формулировкой «за нарушение священнической присяги».

В кабинете повисла тишина. Слышно было только, как тикают напольные часы в углу. Тик-так. Тик-так. Время уходило.

— И что вы сделаете? — спросил Алексей.

— А что я могу? — Игнатий развел руками. — Если я не подпишу, завтра в газетах появятся статьи о моих... финансовых делах. Или о том, что я покровительствую еретикам. И меня снимут. Пришлют другого, молодого, злого. Который подпишет не глядя.

Алексей понял. Это был конец. Стены сомкнулись.

— Значит, вы меня сдадите? Как Пилат? Лицо Игнатия дернулось, словно от пощечины.

— Не смей меня судить! — прошипел он. — Ты не знаешь, что такое ответственность за епархию. Я спасаю сотни приходов. Я строю храмы. Я должен идти на компромиссы, чтобы Церковь жила!

— Церковь не живет компромиссами, владыка. Она умирает от них. То, что вы строите — это не храмы. Это декорации для спектакля, режиссер которого — дьявол.

Игнатий нажал кнопку селектора. — Охрана, проводите отца Алексея. Он больше не смотрел на священника. Он уткнулся в бумаги, делая вид, что работает. Но Алексей видел, как дрожат его руки, перебирающие листы.

У двери Алексей остановился.

— Владыка, — сказал он тихо. — В той книге, которую мы запретили на суде, была фраза: «Страх — это единственная тьма». Вы живете в темноте. И Дворкин — ваш тюремщик. Мне жаль вас. Игнатий не ответил.

Алексей вышел в приемную. Там уже стояли двое охранников.

— На выход, батюшка, — буркнул один из них. Они вели его по коридору, как преступника. Мимо проходили сотрудники епархии, священники, миряне. Никто не смотрел ему в глаза. Все отводили взгляды, словно он был заразным. «Проказа, — подумал Алексей. — Я заразился правдой, а здесь это смертельная болезнь».

На улице, у самого крыльца, остановился черный внедорожник. Из него вышел Дворкин. Он был в отличном настроении, румяный с мороза, в кашемировом пальто. Увидев Алексея, которого выводила охрана, он остановился и улыбнулся.

— А, отец Алексей! Уже уходите? А я как раз к владыке. Везем новые методички.

Он подошел ближе, игнорируя охранников.

— Я знаю, что вы были у него. Пытались открыть ему глаза? — Дворкин рассмеялся. — Наивный вы человек. Владыка Игнатий видит мир моими глазами уже лет десять. Это самая удобная оптика. Она позволяет не замечать совести.

Дворкин наклонился к самому лицу священника.

— Вы думали, что боретесь с человеком? Со мной? Нет, Алеша. Вы боролись с иммунной системой. А организм всегда отторгает чужеродные клетки. Вы стали чужим.

— Я стал христианином, — ответил Алексей, глядя прямо в холодные, рыбы глаза профессора.

— А мы строим порядок. Новый порядок.

Дворкин хлопнул Алексея по плечу, словно стряхивая невидимую пыль.

— Указ о вашем запрещении уже готов. Завтра подпишут. Сдайте крест и рясу. И не пытайтесь искать правды в Москве. Там сидят мои друзья. Или друзья моих друзей. Вы теперь в черном списке. Везде. Дворкин развернулся и легко взбежал по ступеням епархии. Двери распахнулись перед ним сами, словно приветствуя хозяина.

Алексей остался стоять на ветру. Снег падал на его лицо, таял на ресницах. Он был один. У него не было работы. Не было защиты. Не было статуса. Но впервые за долгое время у него не было и страха. Разговор с Игнатием расставил все точки над «і». Иллюзий больше не осталось. Церковная ограда не защищала от зла — она была периметром, внутри которого зло чувствовало себя в безопасности.

Он пошел по улице, не разбирая дороги. В голове крутились слова из статьи, которую он читал в архиве. О том, как в 30-е годы немецкие богословы, такие как Кюннет, обосновывали необходимость подчинения церкви государству ради «великой цели». Они тоже говорили о порядке. О борьбе с хаосом. О врагах нации. Игнатий был прав в одном: это не ново. Это вечное возвращение одной и той же лжи.

Алексей достал телефон. На экране высветилось сообщение от жены: «Леша, звонили из банка. У нас просрочка по ипотеке. Что делать?» Он смотрел на эти слова и понимал, что Дворкин не шутил. Они начнут давить. Финансово, социально, морально. Они превратят его жизнь в ад, чтобы другим было неповадно. Это была цена. Цена за то, чтобы перестать быть «агентом Антоновым» и стать просто человеком.

Он прошел мимо храма, где когда-то начинал служить. Из открытых дверей доносилось пение хора. «Яко с нами Бог...» Алексей остановился. С кем «с нами»? С теми, кто сидит в кабинетах с красными папками? С теми, кто пытается в СИЗО? С теми, кто пишет доносы? Нет. Бога там не было.

Он сунул руку в карман и нащупал флешку. Ту самую, на которую он копировал архивы, списки, переписку с китайцами и французами. Дворкин думал, что победил. Что раздавил очередного бунтаря. Но Дворкин, при всей своей проницательности, забыл одну деталь. Система, построенная на страхе, хрупка. Достаточно одного камешка, чтобы вызвать лавину. Алексей сжал флешку. Это был не камень. Это была бомба. И теперь, когда ему нечего было терять, когда мосты были сожжены, а ряса фактически снята, у него остались развязанными руки.

Он зашел в маленькое интернет-кафе в полуподвале. Сел за компьютер в дальнем углу. Вставил флешку. На экране открылась папка «Архив_РАЦИРС». Тысячи файлов. Судьбы, деньги, предательства. Алексей создал новое письмо. Адресатов не было. Он собирался выложить это в открытый доступ. На сервера, которые не достанет Роскомнадзор. Но перед тем как нажать «Загрузить», он на секунду замер. Это был шаг в бездну. После этого его могут посадить. Или убить. «Страх — это единственная тьма».

Он вспомнил глаза Игнатия. Глаза мумии, которая дышит, ест и подписывает бумаги. Алексей не хотел быть мумией. Он нажал кнопку. Полоска загрузки поползла вправо. Медленно, но неотвратно. 10%... 20%... В этот момент он перестал быть отцом Алексеем, клириком епархии. Он стал просто Алексеем. Человеком, который объявил войну Левиафану.

На улице завывала полицейская сирена. Звук приближался. Алексей не знал, за ним это или нет. Но он не сдвинулся с места. Он смотрел на экран, где цифры сменяли друг друга, превращая тайное в явное. Точка невозврата была пройдена. И в этой точке, на самом дне отчаяния, он вдруг почувствовал странную, звенящую свободу. Свободу того, кто уже умер для системы, а значит — стал для нее неуязвимым.

Глава 11. Лицом к лицу

Вызов пришел не через секретаря и не через официальную рассылку. Это был звонок на личный номер, раздавшийся в одиннадцать вечера. Голос Виктора, обычно развязный и циничный, звучал сухо, почти механически: «Шеф ждет. Сейчас. Машина у подъезда».

Алексей не стал спрашивать «зачем». Он знал. После того, как он отправил архив в сеть, прошло меньше суток. Система, обладающая инерцией левиафана, наконец-то развернула свою тяжелую голову в его сторону. Он оделся медленно, стараясь не разбудить жену. Надел подрясник — не как рабочую одежду, а как броню, последний символ того, кем он был и кем оставался, несмотря на подписанные где-то указы о запрещении.

Черный седан вез его не в привычное здание Центра на окраине и не в Епархиальное управление. Они ехали в центр, в район старых особняков, где за высокими заборами прятались резиденции тех, кто предпочитал управлять страной из тени.

Особняк встретил его тишиной и запахом дорогого воска. Охрана на входе даже не проверила документы — его ждали. Алексея провели через анфиладу

темных комнат в кабинет, который он раньше видел только на фотографиях в светской хронике.

Это было святилище власти. Стены, обитые темным дубом, поглощали свет. В красном углу, под бронированным стеклом, мерцали старинные иконы в драгоценных окладах. А прямо под ними, на той же стене, висели портреты людей в мундирах с васильковыми петлицами — основателей и руководителей спецслужб разных эпох. Лики святых и лики палачей смотрели друг на друга в странном, кощунственном симбиозе.

Профессор Дворкин стоял у камина, глядя на угасающие угли. Он не обернулся, когда Алексей вошел.

— Знаете, отче, в чем главная ошибка всех идеалистов? — его голос был тихим, лишенным той истеричной нотки, которая появлялась на публичных лекциях. — Вы думаете, что правда — это самоценность. Что достаточно вынести сор из избы, и изба очистится.

Дворкин повернулся. В полумраке его лицо казалось моложе, но глаза оставались мертвыми, как у глубоководной рыбы.

— Садитесь, Алексей. В ногах правды нет.

Алексей остался стоять.

— Я пришел не вести беседы, Александр Леонидович. Я знаю, что вы сделали с отцом Ярославом. Я знаю про «комнату уединения» в приюте. Я знаю, как вы фабрикуете дела.

— Знаете... — Дворкин усмехнулся, делая глоток. — Знание — это опасный груз. Вы вывалили его в интернет. И что? Думаете, завтра народ выйдет на улицы? Думаете, прокурор возбудит дело против меня?

Он подошел к столу и взял пульт. На огромной плазменной панели, скрытой за картиной, вспыхнули графики.

— Смотрите. Это мониторинг реакции на ваш «слив». Прошло двадцать часов. Знаете, какой основной нарратив в комментариях? «ЦРУ пытается очернить патриотов». «Фейк, сгенерированный нейросетью». «Предатель в рясе продан сектантам». Дворкин выключил экран.

— Людям не нужна ваша правда, Алексей. Она неудобна. Она страшна. Она требует ответственности. А людям нужен покой. Им нужно знать, что есть Мы — стражи, которые охраняют их сон от чудовищ. И если для этого стражам приходится иногда пачкать руки кровью... что ж, народ мудр, он прощает защитникам всё.

— Вы не защитники, — тихо сказал Алексей. — Вы и есть чудовища. Вы придумали врага, чтобы оправдать свое существование.

— Придумали? — Дворкин поднял бровь. — О нет, мой друг. Мы не придумали. Мы *назначили*. Это разные вещи.

Профессор сел в глубокое кожаное кресло, жестом приглашая Алексея последовать его примеру. На этот раз священник сел — ноги предательски дрожали от напряжения.

— Давайте поговорим как взрослые люди, без этой семинарской риторики, — предложил Дворкин. — Вы читали Достоевского? «Легенду о Великом Инквизиторе»?

— Читал. Вы считаете себя Инквизитором? Тот хотя бы верил, что спасает людей от невыносимого бремени свободы.

— А я и спасаю! — голос Дворкина внезапно стал жестким, стальным. — Посмотрите на них. На эту биомассу, которая каждое утро спускается в метро. Им не нужна свобода совести. Им не нужен поиск Бога. Им нужен хлеб, ипотека под низкий процент и чувство принадлежности к великой силе. Им нужен Авторитет.

Дворкин встал и начал ходить по кабинету, чеканя шаг.

— Секты предлагают им суррогат. Они предлагают экстаз, общину, смысл. Они конкуренты. Опасные конкуренты. Если мы позволим каждому искать истину самостоятельно, государство рухнет. Россия — это осажденная крепость. И в крепости не может быть разномыслия. Дисциплина — залог выживания.

— И поэтому вы объявили войну собственному народу? — спросил Алексей. — Поэтому вы записываете в «сектанты» учителей йоги, психологов, многодетных матерей?

— Мы ведем цивилизационную войну! — рявкнул Дворкин, ударив ладонью по столу. — Это не просто борьба с куклами. Это война с Западом. С их ценностями, с их индивидуализмом. Любая группа, которая не контролируется нами, — это потенциальная «спящая ячейка». Сегодня они поют мантры, а завтра выйдут на Майдан. Мы работаем на опережение. Мы выжигаем заразу до того, как появятся симптомы.

Алексей посмотрел на иконы. Лик Спасителя в мерцании лампы казался скорбным.

— Вы подменили Христа государством, Александр Леонидович. В вашей схеме Богу нет места. Есть только «духовные скрепы» и уголовный кодекс.

— Бог... — Дворкин поморщился, словно от зубной боли. — Бог — это высшая инстанция легитимности. Мы — Его администраторы на земле. Истина — это не то, что написано в древних книгах. Истина — это то, что выгодно государству в данный исторический момент. Если сегодня государству выгодно, чтобы мы молились о мире — мы будем миротворцами. Если завтра выгодно, чтобы мы благословляли танки — мы найдем нужные цитаты и благословим. Это и есть симфония властей.

Он подошел к Алексею вплотную.

— Вы думаете, я садист? Думаете, мне нравится ломать судьбы? Я — хирург. Я ампутую гангрену. Да, иногда приходится резать по живому. Да, иногда под нож попадают здоровые ткани. Лес рубят — щепки летят. Но мы сохраняем организм.

— Вы не хирург, — сказал Алексей, глядя ему прямо в глаза. — Вы паразит. Вы присосались к телу Церкви и к бюджету государства. Я видел ваши сметы. Гранты на патриотизм, которые уходят в офшоры. Вы не за Россию боретесь. Вы боретесь за свою власть и свои счета. Лицо Дворкина на мгновение исказилось, маска благообразного профессора сползла, обнажив что-то звериное.

— Деньги — это кровь войны. Нам нужны ресурсы. Мы противостоям глобальной машине. Вы хоть представляете, какие силы стоят против нас? Там, за океаном, сидят гроссмейстеры. Они двигают фигуры. А мы здесь вынуждены играть в Чапаева, потому что у нас половина элиты — предатели.

Дворкин вернулся к столу и взял папку. Не красную, а серую, невзрачную.

— Вы думаете, Президент знает всё? — вдруг спросил он, понизив голос до шепота. — Вы думаете, он видит реальную картину?

Алексей молчал. Этот вопрос был ловушкой.

— Он видит то, что наши люди кладут ему на стол, — продолжил Дворкин, и в его голосе зазвучала гордыня. — Мы формируем его реальность. Мы создаем информационный кокон. Если мы напишем в докладе, что в стране действуют тысячи террористических ячеек под видом религиозных групп — он поверит. Потому что он чекист, у него профессиональная деформация — видеть везде заговоры. Мы играем на его страхах. Мы нажимаем на нужные кнопки.

Алексей почувствовал холод в животе. Это было признание в государственной измене, произнесенное с гордостью.

— Вы манипулируете главой государства?

— Мы направляем его, — поправил Дворкин. — Мы — шея, которая вертит головой. Мы даем ему врага, с которым можно бороться. И пока есть «сектанты», «агенты», «пятая колонна» — народ мобилизован.

Профессор бросил серую папку перед Алексеем.

— А теперь о вас. Вы стали проблемой. Не большой, но досадной. Ваш демарш с архивом... это неприятно. Но поправимо.

— Вы меня убьете? — спросил Алексей. Страх не было, была только усталость.

— Фи, как грубо. Мы же не в девяностых. И мы православные люди. Убивать священника — это плохой пиар. Нет, мы поступим иначе.

Дворкин начал загибать пальцы.

— Первое. Завтра выйдет указ о лишении вас сана. Формулировка: «за клятвопреступление и уклонение в ересь». — Второе. Против вас будет возбуждено уголовное дело. Статья 275. Госизмена. Передача данных иностранным организациям. Мы нашли в вашем компьютере следы переписки с французскими журналистами. Ну, или найдем. — Третье. Доктор Брусов уже

подготовил заключение. У вас острое психотическое расстройство на почве религиозного фанатизма. Мания преследования. Вы опасны для общества.

Дворкин наклонился над столом, его лицо оказалось в круге света от лампы. — Вас закроют в спецлечебницу. Надолго. Там умеют лечить бунтарей. Через полгода вы забудете свое имя. Вы будете пускать слюни и благодарить врачей за кашу. А ваша семья... Опекун уже интересуется условиями жизни ваших детей. Жена безработная, муж — сумасшедший экстремист. Детей изымут. Для их же блага.

Алексей сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Вы не посмеете тронуть детей.

— Я? — Дворкин развел руками. — Я тут ни при чем. Это машина. Она работает автоматически. Вы сами бросили в нее камень, теперь шестеренки закрутились быстрее.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая только треском дров в камине. — Зачем вы мне это говорите? — спросил Алексей. — Если все решено.

— Потому что я даю вам шанс, — Дворкин достал из ящика лист бумаги и ручку. — Один шанс. Вы сейчас напишете опровержение. Скажете, что ваш аккаунт взломали. Что архив — это фальшивка, созданная врагами России. Что вы были в состоянии аффекта. Выступите на «Спасе», покаетесь. Мы представим это как временное помрачение. Вас отправят в монастырь, на послушание. Годика на два. Подумать, помолиться. Семью не тронем. Ипотеку закроем.

Это была сделка с дьяволом. Классическая, хрестоматийная. Алексей смотрел на белый лист бумаги. Он казался ослепительно ярким в полумраке кабинета. Спасти детей. Спасти себя. Просто подписать. Просто сказать, что черное — это белое. Дворкин наблюдал за ним с интересом энтомолога.

— Ну же, Алексей. Не будьте идиотом. Героизм хорош в книжках. Подумайте о жене.

Алексей взял ручку. Дворкин удовлетворенно кивнул. Священник поднес перо к бумаге. И написал одно слово. Крупно, на весь лист. «НЕТ». Он положил ручку.

— Я не буду играть в ваши игры, Александр Леонидович. Вы можете меня посадить. Можете объявить сумасшедшим. Но вы не можете заставить меня стать частью вашей лжи. Дворкин перестал улыбаться. Его лицо окаменело.

— Вы понимаете, что это конец? Точка невозврата.

— Это начало, — ответил Алексей. — Для меня это начало. Я наконец-то свободен от вас.

Он встал.

— И еще одно. Вы сказали, что люди — это биомасса. Что им нужен кнут. Вы ошибаетесь. Люди спят, да. Но они проснутся. И когда они проснутся, они спросят с вас. Не за цены и не за дороги. А за то, что вы украли у них душу. За то, что вы превратили веру в инструмент насилия.

— Вон, — тихо сказал Дворкин. — Я уйду. Но запомните: страх, на котором вы строите свою империю, — это песок. Он поглотит вас. Вы боитесь больше, чем те, кого вы пугаете. Я вижу это в ваших глазах. Вы боитесь тишины. Потому что в тишине слышно, как Бог молчит. И это молчание страшнее любых ваших приговоров.

— Вон!!! — заорал Дворкин, срываясь на визг. Его лицо пошло красными пятнами. — Охрана! Убрать его!

Двери распахнулись. Дюжие парни в костюмах схватили Алексея под руки. Его выволокли из кабинета, протащили по коридору и вышвырнули на крыльцо, в холодную московскую ночь. Он упал на колени, ободрав ладони об асфальт. Сзади хлопнула тяжелая дубовая дверь, отрезая его от тепла, от света, от «элиты».

Алексей поднялся. Шел мокрый снег. Он был один. Без денег, без телефона (его отобрали на входе и не вернули), без будущего. Но он дышал. Воздух был ледяным, но чистым. Он пошел к воротам резиденции. Охранник на КПП посмотрел на него с безразличным удивлением, но выпустил.

Алексей шел по ночной улице. Фонари отражались в лужах. Он вспоминал слова Дворкина: «Мы формируем реальность». Это была правда. Они создали матрицу, в которой ложь стала законом, а правда — экстремизмом. Но любая матрица имеет сбой. Алексей вспомнил лицо Ярослава в тюрьме. Лицо девочки

в подвале. Лицо владыки Игнатия. Дворкин думал, что контролирует всё. Но он не мог контролировать то, что происходит в сердце человека, когда тот перестает бояться.

В кармане подрясника Алексей нащупал маленький твердый предмет. Это была не флешка — флешку он уже использовал. Это была та самая синяя пуговица. Пуговица от рубашки мальчика, которого забрали в приют. Он сжал ее. Пока у него есть эта пуговица, он не сумасшедший. Он свидетель. И он будет свидетельствовать. Даже из палаты сумасшедшего дома. Даже из тюремной камеры.

Внезапно рядом с ним затормозила машина. Простая, старая «Лада». Стекло опустилось.

— Отец Алексей? — спросил незнакомый голос. Алексей напрягся, ожидая удара или выстрела. За рулем сидел молодой парень, совсем мальчишка. — Садитесь, батюшка. Быстрее.

— Вы кто? — Я читал ваш архив, — сказал парень. — Я скачал его, пока не заблокировали. Я знаю, кто вы. Садитесь, они сейчас начнут вас искать по камерам.

Алексей на секунду замер. Дворкин говорил, что народ — это биомасса. Что все верят телевизору. Но вот, в три часа ночи, на пустой улице, остановился человек. Один из миллионов. Тот, кого Дворкин списал со счетов. Алексей открыл дверь и сел в машину.

— Куда едем? — спросил парень. — Не знаю, — честно ответил Алексей. — Подальше отсюда.

— Разберемся, — парень включил передачу. — У меня на даче печка есть. Пересидите. А там придумаем. Нас много, батюшка. Вы даже не представляете, как нас много. Тех, кого достало это вранье.

Машина рванула с места, растворяясь в потоке редких ночных автомобилей. Алексей посмотрел в зеркало заднего вида. Особняк Дворкина остался позади, темной глыбой на фоне зарева города. Империя страха дала трещину. Тонкую, едва заметную. Но именно с таких трещин начинаются землетрясения.

Впереди была неизвестность. Тюрьма, больница, бега — он не знал. Но он знал одно: он больше не один. Лицом к лицу с тьмой Алексей увидел свет. И этот свет был не в иконах кабинета, а в глазах незнакомого парня, который просто решил поступить по-человечески.

Глава 12. Исход

Старый дачный поселок спал, укрытый тяжелым, мокрым снегом, который в свете фар «Жигулей» казался бесконечным потоком белых искр, летящих из черной бездны. Он сидел на переднем сиденье, сжимая в руках телефон своего спасителя, и смотрел, как полоска сигнала то появляется, то исчезает. За рулем сидел Денис — парень лет двадцати пяти, с острым профилем и напряженным взглядом. Он не был похож на героя сопротивления. Обычный айтишник, каких тысячи в Москве. Но именно он остановился на той улице, когда система, казалось, захлопнула все двери.

— Мы почти приехали, батюшка, — нарушил тишину Денис. — Там печка есть, дрова сухие. Интернет через спутник, медленный, но надежный. Отследить сложно, я через VPN пустил.

— Спасибо, Денис, — голос Алексея звучал хрипло, словно он молчал несколько лет. — Ты понимаешь, что ты делаешь? Если они узнают...

— Если они узнают, мне плевать, — перебил парень, резко выкручивая руль на повороте. — Я документы ваши читал, пока их не потеряли. Моего друга в прошлом году посадили. За репост. Сказали — экстремизм. А он просто цитату из Евангелия запостил, про миротворцев. Алексей вздрогнул. То, что начиналось в кабинетах Дворкина как теоретическая разработка по «информационной гигиене», теперь било по живым людям, по таким вот Денисам.

Машина остановилась у покосившегося забора. Дом был темным, холодным, выстуженным за зиму. Но когда они вошли и Денис чиркнул спичкой, разжигая буржуйку, маленький огонек показался Алексею самым ярким светом, который он видел за последние месяцы.

Пока Денис возился с чайником, Алексей достал флешку. Маленький кусочек пластика, в котором был конец его прошлой жизни. Он сел за ноутбук, стоявший на шатком столе. Экран засветился синим, осветив лицо бывшего сотрудника Центра религиоведческих исследований. Бывшего священника. Бывшего винтика.

— Вы уверены? — спросил Денис, ставя перед ним кружку с горячим чаем. — Обратного пути не будет. — Обратный путь ведет в ад, — ответил Алексей. — А я хочу остаться на земле.

Он вставил флешку. Папка «Архив_РАЦИРС» открылась мгновенно. Алексей начал сортировать файлы. Ему нужно было не просто вывалить кучу мусора в сеть. Ему нужно было нанести точечный удар. Он создал новое письмо. Адресатов не было в адресной строке — он использовал специальный сервис для анонимной рассылки, который показал ему Денис. Список получателей был в его голове: международные правозащитные организации, независимые журналисты, которые еще оставались на свободе, и, самое главное, — адреса конкретных адвокатов, защищающих «узников совести».

Первым файлом он прикрепил «Финансовую схему». Те самые таблицы из бухгалтерии, где гранты на патриотизм превращались в недвижимость во Франции и Австрии. Пусть те, кто кричит о «загнивающем Западе», объяснят, почему они хранят там свои деньги. Вторым файлом пошел «Список экспертов». Фамилии психиатров, лингвистов, культурологов, которые подписывали приговоры, не читая книг и не видя пациентов. Доктор Брусов, учительница английского, историк плаката — все они должны были выйти из тени. Страна должна знать своих «героев».

Третий файл был самым тяжелым. «Методичка по работе с несовершеннолетними». Инструкции по изъятию детей. Описание методов психологического давления в приютах. Фотографии «комнаты уединения». Алексей на секунду замер. Он вспомнил девочку с плюшевым медведем. Если он это отправит, систему затрясет. Они будут отрицать, кричать о фейках, о нейросетях. Но родители, у которых отобрали детей, узнают правду. И это даст им оружие в судах.

— Бог в помощь, — тихо сказал Денис за спиной.

Алексей нажал «Отправить». Полоска загрузки поползла. Медленно. Мучительно медленно. 15%... 32%... В эти секунды Алексей чувствовал, как с его плеч сползает огромная, свинцовая плита. Плита страха. Плита компромиссов. Плита молчания. Он вспоминал слова из источника, который изучал в архиве: «Время работает против нас. Каждая минута промедления играет на руку тем, кто стремится к хаосу». Он больше не медлил.

50%... На экране мелькали названия файлов. «Проект_Дивеево.doc». «Списки_неблагонадежных_клириков.xls». «Переписка_с_FECRIS.pdf».

Алексей понимал: это капля в море. Дворкин прав — у них есть телевизор, у них есть суды, у них есть ОМОН. Завтра они скажут, что Алексей — сумасшедший, агент ЦРУ, предатель Родины. Но плесень боится не силы. Плесень боится света. Даже маленький луч света, пробившийся в сырой подвал, останавливает рост грибка. Он запускает необратимый процесс. Алексей сейчас пробивал дыру в стене этого подвала.

100%. «Сообщение отправлено». Алексей откинулся на спинку жесткого стула и закрыл глаза. Тишина в доме стала другой. Она перестала быть тревожной. Она стала звенящей, чистой.

— Всё, — сказал он. — Теперь это не моя тайна. Теперь это их проблема.

Утром Алексей вышел на крыльцо. Снегопад прекратился. Солнце, холодное и яркое, вставало над лесом, превращая сугробы в ослепительные дюны. Он был одет в свитер и джинсы, которые дал ему Денис. Его подрясник, аккуратно свернутый, лежал на стуле в доме. Рядом лежал наперсный крест. Это было самое трудное решение этой ночи. Снять рясу. Для многих это означало бы отречение. Расстрига. Предатель. Но для Алексея это стало актом возвращения к сути.

Он вспомнил, как Дворкин любил повторять: «Священник — это офицер духовной армии». Нет. Священник — это не офицер. И Церковь — это не армия. И не министерство. И не департамент идеологии. Христос не носил мундиров. Он ходил в простой одежде, ел с мытарями и грешниками, и Его распяли те, кто больше всего заботился о «чистоте веры» и «политической стабильности».

Алексей оставил крест не потому, что перестал верить. Наоборот. Он оставил его, потому что этот конкретный крест, выданный в епархиальном

управлении, стал знаком принадлежности к корпорации Дворкина. Это был не символ Голгофы, а корпоративный значок, дающий право на спецобслуживание и обязывающий к молчанию. Чтобы сохранить веру во Христа, нужно было перестать верить в Систему.

Денис вышел следом, щурясь от солнца.

— Что теперь, Алексей? — он впервые назвал его по имени, без «батюшки». И это прозвучало правильно.

— Теперь — жить, — ответил Алексей. — Жить не по лжи.

— Они будут искать.

— Пусть ищут. Россия большая. Алексей посмотрел на лес. — Знаешь, Денис, Дворкин сказал мне, что они строят крепость. Что кругом враги. Но посмотри...

Он обвел рукой заснеженный простор.

— Здесь нет врагов. Здесь есть просто люди. Запуганные, обманутые, уставшие. Но живые. И им нужен не прокурор с кадилом. Им нужно простое человеческое слово.

В кармане завибрировал телефон Дениса. Парень посмотрел на экран и присвистнул.

— Началось. Смотри.

Он протянул телефон Алексею. Новостная лента взрывалась сообщениями. «Утечка века: опубликованы архивы Центра религиоведческих исследований». «Схемы финансирования “борцов с сектами” ведут в офшоры». «Правозащитники требуют возбудить дело против профессора Дворкина».

Алексей листал ленту. Вот комментарий известного адвоката: «Эти документы подтверждают то, о чем мы говорили годами. Это доказательная база для Гааги». Вот пост популярного блогера: «Оказывается, нас пугали сектами, чтобы мы не замечали, как нас грабят». Вот видеообращение матери, у которой забрали детей: «Я узнала свою фамилию в списках! Они планировали это полгода! Люди, это фашизм!»

Система, конечно, уже включила ответный огонь. «Фейк, сгенерированный ЦРУ». «Провокация перед выборами». «Атака на традиционные ценности». Но тон был истеричным. В этом визге чувствовался страх. Монолит дал трещину. Тонкую, волосяную, но она пошла по самому фундаменту. Дворкин, сидящий в своем кабинете с иконами и портретами чекистов, сейчас, наверное, кричал на подчиненных, требовал найти «крысу», звонил кураторам.

— Я должен ехать, — сказал Алексей. — Нельзя оставаться здесь. Я подставляю тебя.

— Куда вы?

— На юг. Или на восток. Неважно. У меня есть руки, есть голова. Найду работу. Буду строить, учить, лечить. Делать что-то настоящее.

— А как же... служение?

Алексей улыбнулся. Впервые за долгое время его улыбка была легкой.

— А разве это не служение? Помогать людям. Говорить правду. Утешать тех, кому больно. Для этого не нужны золотые ризы и разрешения из канцелярии. Первые христиане не имели храмов. Они собирались по домам, преломляли хлеб и были счастливы. Он достал из кармана ту самую синюю пуговицу. — Я верну ее, — сказал он твердо. — Я найду этого мальчика. Рано или поздно. И верну ему пуговицу. И скажу, что его папа — герой.

Он пожал руку Денису. Крепко, по-мужски.

— Спасибо тебе. Ты спас меня. Не от тюрьмы. От чего-то худшего.

— Берегите себя, — ответил Денис.

Алексей вышел за калитку. Дорога, укатанная снегом, уходила вдаль, к горизонту, где небо сливалось с землей. Он шел пешком. В его кармане не было удостоверения. У него не было прихода. У него не было зарплаты. Но у него была совесть. И он чувствовал, как с каждым шагом из него выходит тот затхлый, подвальный воздух, которым он дышал в Центре. Воздух страха, подозрений, ненависти. Его легкие наполнялись морозной свежестью.

Он вспомнил слова из проповеди, которую ему запретили читать: «Где Дух Господень, там свобода». Дворкин и его кураторы могли построить стены, могли

поставить решетки, могли написать тысячи законов. Но они не могли запретить ветер. Они не могли запретить весну, которая неизбежно придет после этой долгой, искусственной зимы.

Алексей остановился на перекрестке. Слева была трасса, ведущая в город, обратно в чрево Левиафана. Справа была дорога к станции, к поездам, идущим в неизвестность. Он повернул направо.

В этот момент мимо проехала старая фура. Водитель, увидев одинокого путника, посигналил и притормозил.

— Далеко собрался, брат? — крикнул он из окна.

— Далеко, — ответил Алексей.

— Садись, подброшу! Алексей забрался в кабину. На приборной панели, рядом с навигатором, была приклеена маленькая бумажная иконка Николая Чудотворца. Самая простая, копеечная. Не в золотом окладе. Не под бронированным стеклом. Просто иконка, чтобы помнить о Боге в пути.

— Куда едем? — спросил водитель, трогаясь с места.

— Вперед, — сказал Алексей, глядя на убегающую ленту дороги. — Туда, где нет плесени.

— А, это дело хорошее, — усмехнулся водитель, не задавая лишних вопросов. — Плесень — она такая, если завелась — весь дом сожрет. Только сжигать или уезжать.

Машина набирала скорость. Алексей смотрел в окно. Мимо проплывали заснеженные поля, редкие деревни, леса. Это была его страна. Не страна Дворкина, не страна отчетов и спецслужб. А страна этих полей, этих людей, этого водителя. Страна, которая спала, одурманенная пропагандой, но которая обязательно проснется. Потому что ложь — это наркотик, а действие любого наркотика рано или поздно заканчивается. И наступает ломка. А после ломки — выздоровление.

Алексей знал, что впереди будут трудности. Возможно, арест. Возможно, нищета. Но он также знал, что сегодня он совершил главный поступок в своей жизни. Он перестал быть «архитектором» чужих судеб и стал строителем своей собственной. Он вынул камень из фундамента Вавилонской башни. Башня еще

стояла. Она казалась грозной и вечной. Но камень был у него в руке. Точнее, не камень, а маленькая синяя пуговица. И пока такие пуговицы жгут руки честным людям, пока находятся такие Денисы, пока есть водители, готовые подвезти незнакомца, — у этой страны есть шанс.

Солнце поднялось выше, заливая кабину грузовика ярким светом. Алексей закрыл глаза и впервые за много месяцев начал молиться. Не по бумажке. Не по циркуляру. Он молился о тех, кто остался там, в застенках. О Ярославле. О девочке в приюте. О владыке Игнатии, запертом в своем золотом саркофаге. И даже о Дворкине. Потому что плесень не нужно ненавидеть. Ее нужно просто вычищать. И открывать окна. Широко, настежь. Чтобы вошел свежий ветер.

Грузовик скрылся за поворотом, оставляя позади город, окутанный серым смогом лжи. Впереди была долгая дорога, но это была дорога к Свету.